

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова

Исторический факультет

КАФЕДРА ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА

Научная конференция

XVII СЕРГЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

(2–4 февраля 2011 г.)

Сборник тезисов

Москва, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ	3
ДРЕВНЯЯ АЗИЯ	7
ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ.....	13
ЭЛЛИНИЗМ	26
ДРЕВНИЙ РИМ	32
ПОЗДНЯЯ АНТИЧНОСТЬ, РИМСКАЯ ПЕРИФЕРИЯ И ХРИСТИАНСТВО	46
СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ.....	53
ДОКОЛУМБОВАЯ АМЕРИКА	56
ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ	66

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

Васильева Ольга Александровна (Москва)

«Боги страждут»: головная боль у египетских богов.

Волович Анна Юрьевна (Москва)

Семантика изображения лягушки под Солнечной ладьей в эпоху Нового царства.

Доклад посвящен определению семантики изображений лягушки, расположенных внизу плетеного полотнища, покрывающего нос Солнечной ладьи msktt, при этом основным объектом анализа являются фрагменты гробничных и храмовых изображений времени Нового царства.

В первой части доклада проводится обзор изображений лягушки и водных растений под лодкой до периода Нового царства, а также рассматривается идея возможного присутствия некоторых представителей флоры и фауны земного Нила в водах небесного Нила.

Во второй части доклада выдвигается предположение относительно материалов, из которых изготовлено полотно, покрывающее нос Солярной барки, его назначения, а также взаимосвязи между выплетенной циновкой и средой обитания амфибии.

В заключительной части доклада приводятся выводы касательно особенностей семантики лягушки в случаях ее изображения внизу циновки, находящейся на носу Солнечной ладьи.

Головина Вера Александровна (Москва)

Печать-теленок с именем Ментухотепа II.

Демидчик Аркадий Евгеньевич (Новосибирск)

К истории древнеегипетских визирей.

Зубова Ольга Игоревна (Москва)

Божественность личности умершего в Текстах пирамид.

Ильин-Томич Александр Александрович (Москва)

Стилистические особенности абидосских стел столичного и фиванского происхождения при XIII династии.

Большую часть эпиграфического материала позднего Среднего царства составляют установленные в Абидосе поминальные памятники, происхождение которых в большинстве случаев остается неизвестным. Среди них для исследования администрации Фив — второго по значению административного центра Египта после царской резиденции Ит-Тауи — до сих пор привлекаются в первую очередь те надписи, связь которых с Фивами однозначно прослеживается по титулам (титулы с элементами tp-rsj, njwt-rsjt; w3st). Атрибуция фиванских памятников по стилистическим признакам позволяет расширить наши представления о фиванской администрации и ее соотношении со столичной. Доклад посвящен географической

атрибуции четырех мастерских стел времени Неферхотепа I и Себекхотепа IV, выделенных В. Граецким и отнесенных им к «стилю царской резиденции»: три из них действительно располагались в столичной области, но четвертая, вопреки мнению Граецкого, функционировала в Фивах.

Карлова Ксения Федоровна (Москва)

Сет и его связь с солнечным культом.

Кокина Евгения Александровна (Москва)

Роль царской администрации в сооружении частных гробниц второй половины Древнего царства.

Корпус текстов, содержащих сведения об участии царской власти в сооружении частных гробниц Древнего царства в Египте, насчитывает меньше тридцати надписей. Налицо существенная диспропорция между письменными свидетельствами о частной и царской инициативах при строительстве гробниц в Древнем царстве. Большинство рассматриваемых текстов относится ко времени 5-6 династий. Среди них есть надписи о сооружении гробницы; об изготовлении ложных дверей, саркофагов, статуй; об обеспечении заупокойного культа. Заслуживают особого внимания несколько надписей, которые исследователи приводят в доказательство существования специальных царских документов, разрешающих строительство гробницы или распоряжение гробницами. Вероятно, существовали особые царские учреждения, контролирующие организацию столичных некрополей. Важным источником является Htp-dj-nswt-формула, значение которой еще не до конца ясно исследователям. Особенно интересны те случаи, когда в Htp-dj-nswt-формуле есть указание на царя как лицо, обеспечившее возведение гробницы.

Недостаток письменных источников может отчасти быть восполнен археологическим материалом. Изучение структуры столичных некрополей свидетельствует о существовании определенных планов застройки, о централизованном строительстве и последующем распределении гробниц. Заметным явлением в «жизни» некрополей второй половины Древнего царства становятся случаи узурпации гробниц.

Главным условием при исследовании роли царской администрации в сооружении вельможеских гробниц является необходимость учитывать хронологический и географический факторы. Совокупность письменных и археологических источников позволяет проследить изменения, происходившие в сфере частного гробничного строительства во второй половине Древнего царства.

Крол Алексей Александрович (Москва)

Фотоархив В.М.Ф. Питри в Национальном музее Судана.

В 1942 г. фотоархив и библиотека английского археолога В.М.Ф. Питри были согласно его завещанию отправлены в Хартум, где хранились в специально созданной Библиотеке Флиндерса Питри. В настоящее время архив и библиотека располагаются в Национальном музее Судана.

В соответствии с Договором, подписанным между Национальным музеем и ЦЕИ РАН, в 2008 были начаты работы по проекту, направленному на изучение и публикацию фотоархива Ф. Питри. Этапы работы по проекту и результаты исследования будут представлены в докладе.

Лаврентьева Ника Владимировна (Москва)

«Книга Двух Путей»: среднеегипетская редакция.

«Книга Двух Путей» рассматривается как результат глобального процесса пересмотра и редактирования заупокойных текстов предыдущей эпохи, происходившего по всему Египту во времена I Переходного периода – начала Среднего царства. В сообщении исследуются истоки происхождения, а также формы передачи традиции этого заупокойного сборника текстов.

Ладынин Иван Андреевич (Москва)

Нубийское владычество в зеркале египетской исторической традиции втор. пол. I тыс. до н.э.

Лебедев Максим Александрович (Москва)

Реформа сокровищницы (рг-НД) в эпоху Сенусерта III-Аменемхета III: по материалам экспедиционных надписей.

Литвиненко Сергей Владимирович (Москва)

Некоторые аспекты коптского погребального обряда.

Малых Светлана Евгеньевна (Москва)

Археологическое исследование скальной гробницы Пери-неджу в Гизе в 2010 гг.: новые данные о погребальном обряде эпохи Древнего царства.

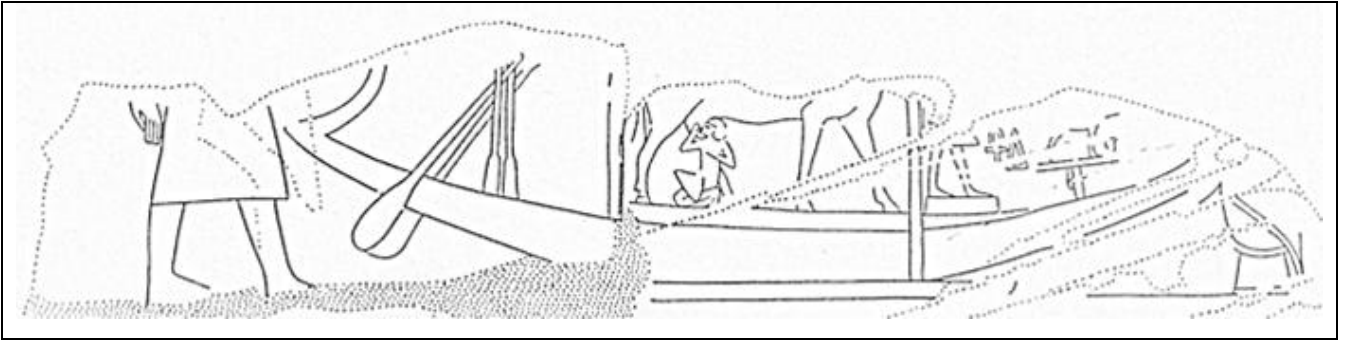
Археологические работы Российской экспедиции ИВ РАН в Гизе по исследованию древнеегипетских погребений знати, в частности, скальной гробницы Пери-неджу поздней V – ранней VI династии на Восточном плато, показали, что в указанную эпоху практика мумификации не была еще общераспространенной, доминировала скорченная или полускорченная поза тела, однако всегда головой на север, лицом на восток, при этом покойный, независимо от того, был ли он помещен в саркофаг, или нет, укладывался на слой чистого желтого песка, что может маркировать собой существование особых религиозно-мифологических представлений, связанных с существованием первичного холма. Инвентарь, сопровождавший такие погребения, был крайне беден или отсутствовал, однако отдельные из имеющихся керамических сосудов были выкрашены в белый цвет, что является показателем существования особой цветовой символики, связанной с магическим очищением места погребения.

Миронова Александра Вадимовна (Москва)

Сцена плавания Хатхор из Зала праздников храма Ахмену: попытка интерпретации.

В докладе рассматривается сцена из храма Ахмену Тутмоса III, которая расположена на юго-восточной стене Зала праздников и представляет собой установленную на ладье статую коровы, кормящей и охраняющей фараона [РМ² II. Р. 110 (333)]. Сама сцена входила в состав композиции, изображавшей некую процессию, в которой участвовали фараон, жрецы и музыканты. Анализ композиции и ее местоположения в Зале праздников (внешняя стена Залов Сокара) позволяет предположить, что в Ахмену запечатлен праздник Хатхор Xnt Hwt-Hr

(«Плавание Хатхор»), отмечавшийся во второй половине сезона Разлива и предварявший праздник Сокара. Значимую роль в празднике Хатхор, видимо, играл обряд срывания папируса zSS wAD, имевший также отношение к культу Амона-Мина. В целом, сцена плавания Хатхор из Ахмену, с одной стороны, носит заупокойный характер и воспроизводит мотив странствования покойного фараона в загробном мире вместе с солнечным богом. С другой стороны, эта сцена отражает представления о Хатхор как путеводительнице покойного в загробный мир, с которым, вероятно, соотносились Залы Сокара.

Сцена плавания Хатхор из Ахмену.

Сафронов Александр Владимирович (Москва)

Еще раз к идентификации египетского этнонима ꜥꜣ.w.

Тарасенко Николай Александрович (Киев)

Типологии виньеток 17-й главы «Книги мертвых».

В докладе рассматривается генезис исследования иллюстративной традиции 17-й главы "Книги мертвых" в западной египтологии. В основе существующих типологий виньеток главы положен принцип соотношения рисунка и текста. Однако сложность как текстуального, так и изобразительного компонентов изречения не позволили создать общепринятую систему типологии. Трудности возникают и с хронологией эволюции иконографии виньеток 17-й главы, длившейся более тысячелетия. В докладе проанализированы типологии виньеток 17-й главы, предложенные У.Э. Баджем, Г. Граповым, Т.Г. Алленом, Э. Хорнунгом, Х. Мильде и М.Дж. Мошером.

Чегодаев Михаил Андреевич (Москва)

«Утка входит в храм».

ДРЕВНЯЯ АЗИЯ

Арутюнян Акон Жораевич (Ереван)

Царская дорога Дария I и Армения.

Одним из “белых пятен” в истории древней Армении остается вопрос “Царской дороги” Дария I, а именно: через какую территорию армянского XIII сатрапства проходил этот путь? Разногласия по этому вопросу возникли, в первую очередь, в связи с расплывчатыми сведениями Геродота касательно данной темы. Во-вторых, определенная сложность дачи однозначного ответа на поставленный вопрос обусловлена отсутствием каких-либо других письменных свидетельств. К сожалению, не найдены и археологические данные по этому вопросу.

Проблему армянской части дороги исследовали немецкий историк Е.Шпек, армянские исследователи Я.А.Манандян, Б.А. Арутюнян. Предположения, сделанные ими, нам представляются неубедительными. Единственный пункт, принимаемый всеми авторами единогласно и основанный на свидетельстве Геродота, – это тезис о том, что дорога в своей армянской части имела протяженность 330-340 км. (56,5 парасанг).

Если Я.А.Манандян, развивая точку зрения Е.Шпека, находит, что дорога проходила через горные районы царства будущей Великой Армении, то не выдерживает никакой критики мнение Б.А.Арутюняна, который, к сожалению, не различает две географические местности – Великую Армению и Армянскую Месопотамию (север Месопотамии), считая, что дорога проходила по территории последней. Армянская Месопотамия была густо населена армянами, однако ни один из армянских царей не считал эту территорию составной частью Армении. Нам кажется, что дорога проходила через Багешское ущелье (в системе горного хребта Армянского Тавра и далее параллельно северным склонам последнего протянулась на запад, до Киликии). Этот путь является единственным благоразумным маршрутом. Нашу точку зрения, вероятно, подтвердят археологические раскопки в данном регионе. Представляется очевидным, что при постройке дороги Дарием I были учтены орографические, гидрографические и климатические условия местности.

Афанасьева Вероника Константиновна (Санкт-Петербург)

Легенды-автобиографии аккадских правителей и творчество Энхедуаны.

Период правления аккадской династии в Двуречье оценивается исследователями достаточно противоречиво, хотя всем ясно, что с появлением на исторической сцене аккадцев в Шумере была осуществлена одна из первых мировых деспотий (2310-2160 гг. до н.э.). Это время проявления «сильных» личностей в истории – Шаррукена (Саргона Аккадского) и его внука Нарамсина, но также и появления первых текстов на аккадском языке и создания нового жанра – царских автобиографий, свидетельствующих не только о стремлении правителей увековечить свои имена, но и о самоосознании народа. Коренные изменения произошли во всех областях человеческой жизни – экономики, политики, культуры и особенно ярко проявились в памятниках изобразительного искусства и литературы. Однако дочь Саргона Энхедуана, жрица бога Луны Нанны в Уре, создавала свои произведения на шумерском языке и обращала их к богине Инанне, при этом, впервые в истории, подписывая их и подчеркивая своё авторство.

Анализируя творчество Энхедуаны, мы можем проследить и оценить степень традиции и новаторства в искусстве аккадского времени.

Вертиенко Анна Владимировна (Киев)

К проблеме инкарнации Веретрагны в скифском искусстве.

В докладе рассмотрена проблема существования антропоморфного божества войны у скифов. Сопоставление описания авестийского бога грома и победы Веретрагны с иконографическими чертами антрополоморфного существа на горите из Соболевой Могилы (IV в. до н.э.), позволяет предположить в последнем инкарнацию аналогичного скифского воинского божества.

Германюк Светлана Ярославовна (Киев)

Этногенез древних тюрков в современной украинской историографии.

Вопрос этнического происхождения древних тюркских народов является одним из наиболее важных и интересных для украинских ученых-ориенталистов. Это, прежде всего, объясняется тем, что история Украины, в особенности ранний ее период, тесно связана с историей тюркоязычных народов, ранее заселявших просторы евразийского континента. Именно поэтому, современные украинские ученые в своих исследованиях достаточно большое внимание уделяют ранней этнической истории таких тюркских народов, как печенеги, половцы, торки, ногайцы и т.п., и в особенности вопросам их этнического происхождения, этапам этногенеза, формированию отдельного этноса. В этом контексте следует обратить внимание на научные работы таких украинских востоковедов, как О.И. Прицака, чьи исследования, среди прочего, касались истории хазар, печенегов, кипчаков во времена ранней истории Киевской Руси; А.И. Галенко – украинского тюрколога, который специализируется на истории Крымского ханата и Османских владений на территории Украины. Не менее важными для нас являются работы Ю.А. Гомана, чьи научные интересы представлены исследованиями по истории средневековых кочевников евразийской степи, а так же истории Османской Империи; Н.Е. Миненковой, изучающей различные аспекты историографических исследований о кочевниках Юго-Восточной Европы X – первой половины XIII вв. в виду актуальности данной проблемы, и других историков-ориенталистов, которые в той или иной мере занимаются историей тюрков.

Деоник Дега Витальевич (Москва)

Этапы формирования единого этно-политического пространства на Великой Китайской равнине и его связь с внешними этно-политическими импульсами с юга и запада (1 тыс. до н.э.).

Дмитриев Сергей Владимирович (Москва)

Культ легендарных правителей как одна из характерных черт традиционной культуры Китая.

Емельянов Владимир Владимирович (Санкт-Петербург)

Формулы гимнов I династии Исина как источник датировки шумерских литературных текстов.

Захаров Антон Олегович (Москва)

Возникновение государственности и индианизация в Юго-Восточной Азии.

Козырева Нэлли Владимировна (Санкт-Петербург)

Формирование городской элиты в Южной Месопотамии раннединастического периода.

В конце IV тыс. до н.э. на территории Южной Месопотамии существовало несколько десятков крупных городов с населением 15-30 тыс. человек и более. Центрами этих городов, архитектурными, культовыми и административными, были храмовые комплексы. Резидентную часть городов, судя по данным археологии, составляли, предположительно, отдельные большие кварталы, которые были не просто элементом внутренней городской планировки, но образовывали, вероятно, фундамент социальной структуры городского общества. Каждый такой квартал объединял большую группу городского населения, связанную родственно-соседскими связями (шум. *im.gi.a*, акк. *kimtum*) и, возможно, почитанием одного из богов городского пантеона. Общество объединяло, вероятно, представление о всеобщем равенстве перед богами, которое своими корнями уходило, по-видимому, в идеологию эгалитарных общин убейдского периода (V тыс. до н.э.). Выборные представители отдельных городских групп осуществляли управление городским хозяйством, однако, они были только исполнителями высшей воли.

В конце 4 начале 3 тыс. до н.э. вслед за меняющимися условиями жизни общества начинают меняться и общественные представления. Эти изменения отражаются в изобразительном материале, в материале погребений, а, начиная с середины 3 тыс. и в письменных памятниках. Анализ таких источников позволяет выдвинуть некоторые предположения о том, каким образом в Южной Месопотамии раннединастического периода шло формирование городской элиты и новых властных институтов, и, прежде всего, института царской власти.

Колганова Галина Юрьевна (Москва)

Особенности системы цветообозначения аккадского языка.

Корниенко Татьяна Владимировна (Воронеж)

К вопросу о моделировании черепов на территории Леванта в эпоху докерамического неолита В.

Большой интерес и неутрачиваемые споры исследователей вызывают встреченные на ряде памятников левантийского региона, так называемые, моделированные черепа (МЧ), которым с помощью глиняной и гипсовой обмазки, иногда битума и натуральной краски, инкрустации глаз морскими раковинами придавалось подобие головы с восстановленными чертами лица. Впервые такие черепа с «восстановленными» лицами были открыты в 50-е гг. XX века в Иерихоне раскопками К.Кеньон. За последующие десятилетия подобные свидетельства обнаружены в особых местах расположения на поселениях Бейсамун, Телль Рамад, Айн Гхасаль, Ифтахель, Телль Асвад, а также в пещере Нахал Хемар и в Кфар Хахореше. В целом около 100 МЧ, относящихся преимущественно к периоду MPPNB (для Телль Рамада и Телль Асвада возможна датировка LPPNB времени), на сегодняшний день известны науке. Отмечаются различия в контексте и оформлении данных находок, которые в любом случае свидетельствуют о производимых с ними сложных манипуляциях в эпоху раннего неолита. Исследователи сходятся в оценке того, что МЧ не только являются свидетельствами особого вида погребальных практик, но, несомненно, в свое время служили важными предметами культа. Основная дискуссия разразилась вокруг двух вопросов: «Кому принадлежали эти черепа?» и «Значение осуществлявшихся с ними обрядов?» Привлекая антропологические и этнографические данные, автор доклада пытается приблизиться к пониманию проблемы.

Кузнецова-Фетисова Марина Евгеньевна (Москва)

Образ мироздания и стороны света в древнем Китае.

Кучера Станислав Иосифович (Москва)

Государственные похороны в Древнем Китае.

Москалёва Анастасия Олеговна (Санкт-Петербург)

К проблеме перевода шумерского термина *SUNUŠ* в царских надписях из Месопотамии.

Из Древней Месопотамии до нас дошло большое количество текстов, среди которых важное место занимают так называемые царские надписи. На протяжении XX века многие выдающиеся ассириологи отечественных и зарубежных школ занимались переводом и изучением этих текстов. Все известные тексты месопотамских правителей опубликованы в серии RIM (Royal Inscriptions of Mesopotamia (Царские Надписи Месопотамии)).

Царские надписи представляют собой неисчерпаемый источник сведений по истории, политике, экономике, культуре и религии Древней Месопотамии. Последнее время в науке появляется всё больше методик для изучения такого рода надписей. Большое количество хорошо сохранившихся текстов позволяет познакомиться с их содержанием, выделить структуру и сравнить царские надписи из разных регионов Месопотамии.

Изучение заключительной части царской надписи, так называемой охранительной формулы, позволило выделить повторяющиеся в разных текстах фразы и термины. Для лучшего понимания они очевидно нуждаются в особых комментариях при переводе. К таким терминам относится шумерское слово *SUNUŠ* (по-аккадски - *išdu(m)*), которое в широком смысле принято переводить как «основание». К сожалению, в словарях не всегда можно найти подходящее значение этого слова. Поэтому ключ к проблеме перевода термина *SUNUŠ* приходится искать в самих надписях.

Немировская Адель Владимировна (Санкт-Петербург)

Месопотамские мотивы в богословии Ветхого завета и значении Библии в для древневосточных исследований

Со времени опубликования цикла лекций выдающегося немецкого ассириолога Фридриха Делича (“*Babel und Bibel*”; в русском издании «Библия и Вавилон»), месопотамские мотивы в Ветхом Завете, прежде всего, в Пятикнижии, принято связывать именно с Вавилоном. Их обработку и включение в канву Библии связывают, прежде всего, с эпохой Вавилонского плена (VI-V вв. до н.э.), т.е. с нововавилонским и поздневавилонским периодом. Однако есть смысл шире посмотреть на включенные авторами-составителями ветхозаветной богословской композиции мотивы и идеологемы, корни которых уходят вглубь истории Месопотамской цивилизации.

В начале XX в. значение Библии для древневосточных исследований стало казаться ничтожным, в силу крайне скептического отношения к библейским источникам (квентэссенцией которого стали лекции Ф.Делича), вызванного тем, что в свете обрушившейся лавины, прежде всего, клинописных текстов библейские сведения о древнем Ближнем Востоке померкли и стали восприниматься как путаное искажение и нечто вторичное. Начиная со 2-й пол. XX в. отношение к библейским свидетельствам в науке о древности постепенно стало меняться: при обнаружении и анализе всё большего числа клинописных источников значение Библии для древневосточных исследований опять становится не только небезынтересным, но вполне полезным и информативным.

Немировский Александр Аркадьевич (Москва)

Часто ли цари XIII в. до н.э. просили друг друга о помощи? КUB XXIII 103 и его историческое значение

Перевалов Сергей Михайлович (Владикавказ)

Греческая тактика и китайская стратегия: опыт сопоставления и противопоставления.

Пьянков Игорь Васильевич (Великий Новгород)

Великий шелковый путь древности как трансконтинентальная трасса.

Великий Шелковый путь, как известно, это сложная система дорог, в древности соединявшая античный мир с Китаем. В этой системе, как обычно считается, основной и изначальной была трансконтинентальная трасса, состоявшая из непрерывной цепи наземных дорог, пересекавшей весь азиатский континент, и два обходных пути, северный – степной и южный – морской.

Наша задача – проследить, как долго существовал трансасиатский путь, и когда и по какой причине пути переместились на юг или на север.

В эллинистическую эпоху вплоть до середины II в. до н.э., когда Античный мир в лице Греко-Бактрии максимально продвинулся на восток, и были возможны непосредственные, хотя и эпизодические, контакты греко-бактрийцев с “серами и фунами”, трансасиатскому пути ничего не угрожало. Продолжал функционировать этот путь и при ранних Аршакидах. Но по мере ухудшения римско - парфянских отношений движение по этому пути угасало. Последний и завершающий эпизод использования торговцами трансасиатского пути на всем его протяжении относится ко времени существенной, но кратковременной оттепели в римско – парфянских отношениях при Августе. Последующие события, “великое восстание” Селевкии на Тигре и греческих городов в долине Диалы на трассе пути в первой половине I в. н.э., свидетельствуют лишь об агонии трансасиатского пути.

По мере угасания трансасиатского пути все больший интерес и римляне и парфяне проявляли к южному, морскому, пути, особенно со второй половины I в. н.э. Во время похода Траяна в начале II в. н.э. римлян интересовала уже не Селевкия, а морские порты Персидского залива. Правда, в те времена южный путь был лишь частично морским. Из Китая до Бактрии и Индии он шел по-прежнему по суше и лишь в долине Инда он поворачивал на юг, к Индийскому океану.

Такова судьба наземной трансконтинентальной ветви Великого Шелкового пути в древности, которая, вопреки распространенному мнению, была далеко не всегда основной трассой этого пути.

Соловьева Светлана Семеновна (Москва)

Иссин: второе «хождение» во власть.

Ульянов Марк Юрьевич (Москва)

О выявлении фрагментов летописи царства Лу периода Чуньцю (771-453 гг. до н.э.) в Чуньцю Цзочжуань (Комментарий Цзо к «Веснам и осеням».

Чехович Надежда Олеговна (Санкт-Петербург)

Военная тема в письмах и документах из архива урукского храма Эанна, VI в. до.н.э.

Шелестин Владимир Юрьевич (Москва)

Внешнеполитическая деятельность Тахурваили.

Тезисы не представлены. В докладе рассматривается деятельность Тахурваили на внешнеполитическом фронте, прежде всего, его роль в развитии хетто-киццуваднских отношений на основе нового перевода договора с Эхеей киццуваднским и данных древне- и среднехеттской традиции о Тахурваили. Проводится критический обзор мнений исследователей о его положении в ряду хеттских правителей, намечаются пути решения этого вопроса (прежде всего, относительно Аллувамны), и проводятся параллели с другими древне- и среднехеттскими правителями, преданными *damnationi memoriae*.

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

Агафонов Андрей Владимирович (Москва), Самар Ольга Юрьевна (Москва)

Ахилл и Аякс, играющие в кости: об отношении настольных игр к парадигме древнего героя.

В середине VI в. до н.э. среди популярных сюжетов в росписях аттических ваз появляется сцена с Ахиллом и Аяксом, играющими в кости. Самый ранний вариант этой сцены известен нам в исполнении Эксекия. Интересно, что именно в его росписи сюжет раскрыт наиболее полно, с выделенными художественными акцентами, и дополнен поясняющими надписями с именами героев и указанием выпавших им очков. Композиция Эксекия многократно повторялась его учениками и последователями. При этом неизменной сохранялась её основа, но менялись детали.

Наш предыдущий опыт изучения иконографических схем аттических позднеархаических ваз показал, что этот сюжет вписан в целый эпический комплекс, раскрывающийся в вазовых росписях позднеархаического периода. Многократно использованная мастерами композиция с изображением игры Ахилла и Аякса в кости должна иметь ключевое значение в развитии всего этого комплекса.

Особенности изложения художниками-вазописцами эпической традиции, находят аналогии в подходах и приемах создателей-исполнителей устного предания, скрупулезно изученных и теоретически осмысленных исследователями фольклора Пери и Лордом. «Сказитель» Лорда строит свою песню на использовании устойчивых формул, что характерно и для аттических вазописцев. Таким же образом, как в эпосе сохраняются анахронистические по отношению ко времени бытования текста языковые явления, обряды, элементы древнейшей материальной культуры, точно также и в вазописных сюжетах распространены более ранние, по отношению к эпохе мастера реалии. Среди прочего особенно заметно настойчивое изображение на вазах VI в. до н.э. единоборств, при том, что греческие воины сражались в фаланге. К числу таких формульных сюжетов-топосов относится и сцена с игрой в кости.

Трактовка рассматриваемого сюжета, вместе с тем, осложнена его полным игнорированием литературной традицией. В историографии вопроса есть несколько вариантов его решения. Из них выделяется гипотеза Эмили Вермюль, которая считает такую игру ритуальной. Согласно Вермюль, игральная доска была заимствована из Египта и являлась разновидностью одной из известных игры «Сенет» или «20 квадратов». Тесная связь египетских разновидностей игры с заупокойным культом и обрядами перехода ставится исследовательницей в связь с находками сходных игровых досок в погребальном инвентаре аттических погребений VII - VI вв. до н.э.

Заимствованная (если следовать теории Вермюль) игра, по нашему мнению, приобретает в новых культурных условиях иную трактовку, в большей степени характерную для греческого мировоззрения и тесно связывается героическим этосом, становясь одним из аллегорических средств его выражающих.

Атика VI в. до н.э. была восприимчива к таким сюжетам, поскольку в Афинах получает распространение аристократическая культура, носители которой считали себя потомками древних героев. Восточная игра с векторным направлением пути, с преодолением препятствий, соперничеством за расположение богов, является идеальным описанием героической судьбы. Возможно, что именно в этом статусе она вошла и в состав погребального инвентаря.

Антонов Валерий Владимирович (Нижний Новгород),

Афины в борьбе за Амфиполь в середине IV в. до н.э.

Стратегическое положение афинской колонии Амфиполь позволяло контролировать не только важный участок фракийского побережья, но и расположенные поблизости золотые рудники и торговый путь по которому в Афины доставлялся корабельный лес. Контроль над этим районом имел для Афин особое значение, т.к. флот обеспечивал им гегемонию над союзниками. Борьба Афин за свою колонию рассматривается в докладе сквозь призму истории Второго Афинского морского союза. В.В. Антонов приходит к выводу, что попытки афинян подчинить себе этот полис непосредственно связаны с «имперским поворотом» в политике Афин после 373 г. до н.э., а захват города Филиппом Македонским знаменовал, в свою очередь, провал афинской политики направленной на восстановление архэ.

Арапов Дмитрий Юрьевич (Москва)

Зеркала Архимеда и восстание Мукарны (Средняя Азия, VIII в. н.э.).

Баранов Дмитрий Александрович

Институт царской власти в Ликии VI-IV вв. до н.э.

Царской властью, является классическим и, пожалуй, одним из наиболее распространённых вариантов автократии в политических системах древних обществ ближневосточного мира. Не составляют здесь исключения и государства, народы которых оказались к VI в. до н.э. в политической зависимости, будучи включёнными в состав сложно организованной Персидской державы¹. Общеизвестно, что для значительной части территориально-политических субъектов империи Ахеменидов были свойственны именно монархические институты². Аристотель объясняет устойчивость такого рода государственного устройства приверженностью азиатских варваров деспотической форме правления, характеризуя её как тираническую, однако признавая её законность, через право наследования и устойчивость традиций (Arist. Pol. III. 1285 a 20-25).

В связи с этим вполне логична постановка вопроса о том, как могли выглядеть процессы становления и развития локальных монархий на территориях, политический генезис которых представлял собой резкий контраст традиционным для эллинов полисным структурам с характерной для них κοινωία πολιτῶν πολιτείας (Arist. Pol. III. 1276 b 1-2)³, а возможно даже далёких от статуса сколь либо урбанизированных конклавов?⁴ Были ли наследственные династии, одним из искусственно созданных сегментов местной административной структуры империи, или же представляли собой «вынужденное отклонение», реверанс, который был сделан персами в сторону уже существовавших на тот момент политических институтов местных наследственных владык и установленных ими династий?⁵

Большинство современных исследователей вопроса, рассуждая относительно атрибутивных черт верховной власти в Ликии позднеархаического и классического периодов, в целом признавая монархический облик её общего конструкта, тем не менее, склонны

¹ Fried L. S. *The Priest and the Great King: Temple-Palace Relations in the Persian Empire*. Winona Lake, 2004. P. 2-5.

² Austin M. M. *Greek Tyrants and the Persians, 546-479 B.C.* // *The Classical Quarterly, New Series, 1990*. Vol. 40. № 2. P. 289-306.

³ Keen A. G. *Dynastic Lycia: A Political History of the Lycians and Their Relations with Foreign Powers, c 545-362 BC*. Leiden, 1998. P. 54.

⁴ Keen A. G. *The «Kings» of Lycia in the Achaemenid Period* // *Alternatives to Athens: Varieties of political organization and community in ancient Greece* / Ed. R. Brock, S. Hodkinson. Oxford, 2000. P. 269-270.

⁵ Bryce T. R. *Political Unity in Lycia during the «Dynastic» Period* // *Journal of Near Eastern Studies*. 1983. Vol. 42. № 1. P. 31-42.

подчёркивать особый, «династический» её характер. Согласно выводу немецкого археолога Ф. Кольба, поддержанного рядом исследователей, власть, будучи разделённой между отдельными локальными группами правящих родов, существовала на протяжении всего рассматриваемого временного отрезка, выступая в особой патримониальной форме господства, известной эллинам как *δυναστεία* (Arist. Pol. IV. 1293 a 31-33)⁶. При этом исследователь делает основной упор в своей концепции на ключевую роль фактора семейственности в процессе становления династической системы Ликии, что видимо, выражалось в особых аристократических союзах политических акторов в лице верховных династов и зависимых от них членов их кланов и семей⁷. Подобный тип отношений между «фамильными ответвлениями» (Familien-«Ablegern») согласно Ф. Кольбу вполне соответствует греческому понятию, *συγγένεια / συγγενείς*, которое повсеместно встречается в нарративах в качестве, как сугубо определённой характеристики связей через кровнородственные узы в рамках одного рода/семьи (*γένος*), так и в качестве особого типа взаимоотношений между семьями, монархиями и городами, а также между их обитателями⁸. Зачастую этот термин используется как характеристика сообществ, кланов, аристократических группировок и, по всей видимости, далеко не всегда обозначал лишь только кровнородственный тип отношений, указывая на характер прочих близких связей, которые были свойственны, как для Греции, так и для отдельных частей империи Ахеменидов.

Между тем расцвет «династической системы» Ликии под властью персов, несомненно, приходится на время правления династии Гарпагидов⁹. Это подтверждается и сведениями памятников династической пропаганды¹⁰, основная масса которых, как кажется, охватывает временной отрезок между второй половиной - последней четвертью V в. до н.э., а затем такого рода документы получают своё куда более широкое распространение в период предэллинизма, уже в форме коротких эпипикиев на греческом языке, появление которых свидетельствует об углублении процессов эллинизации Ликии. Надлежащий анализ этих источников позволяет существенным образом восполнить недостаток нарративной информации относительно заданной темы.

Особенно интересны памятники, оставленные наиболее яркими представителями Ксанфийско-Феллосского клана Гарпагидов – Гергисом и его сыном Эрббиной. Первый оставил текст так называемой поэмы на милийском диалекте ликийского языка (TAM I 44 c. 20-64; d. 1-71)¹¹, где в довольно развёрнутой форме повествует о своём победоносном участии в сражениях под началом перса Тиссаферна (упоминая преимущественно поход против мятежника Аморга), и описывает своё дипломатическое посредничество при заключении договора Тиссаферна со спартанцами, а наряду с этим уделяет значительное внимание некоторым внутривнутриполитическим аспектам своего правления.

⁶ Kolb F. Von der Burg zur Polis // *Jahrbuch des Historischen Kollegs 2000*: Winfried Schulze Die Wahrnehmung von Zeit und Jahrhundertwenden / Ed. L. Gall, A. Esch, K. Hildebrand. München, 2001. S. 46; Thomsen A, *Die lykischen Dynastensiedlung auf dem Avşar Tepesi*, Bonn, 2002, S. 408. Billows R. A. *Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism*. Leiden, New-York, Köln, 1994. P. 82-83, 88, 90, 100, 103; Bearzot C. Il concetto di «dynasteia» e lo stato ellenistici // *Gli stati territoriali nel mondo antico* / Ed. C. Bearzot. Milano, 2003. P. 21 – 45.

⁷ Ю. Борхард выделяет четыре крупнейших династических клана в Ликии классического времени. Среди последних наиболее сильным был клан выходцев из Феллоса, утвердившихся в Ксанфе (Гарпагидов). Помимо этого исследователь выделяет семью Земуридов (Лимира) и «западную династию» к которой исследователь относит в частности участника Саламинского сражения Киберниска. Подробнее см.: Borchhardt J. *Murāza aus der Dynastie der Harpagiden* // *Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Instituts in Wien*. Wien, Bd. 71. 2002. S. 22.

⁸ Crane G. *The Blinded Eye: Thucydides and the New Written Word*. Lanham, 1996. P. 150-156; Blumenfeld B. *The Political Paul: Justice, Democracy and Kingship in a Hellenistic Framework*. London, 2001. P. 96.

⁹ Borchhardt J. *Dynasten und Beamte in Lykien während der persischen und attischen Herrschaft* / P. Calmeyer, R. Dittmann // *Variatio Delectat: Iran und der Westen: Gedenkschrift für Peter Calmeyer*. Alter Orient und Altes Testament Bd. 272. Münster, 2000. S. 100.

¹⁰ Rutherford I. Interference or Translationese ? : Some Patterns in *Lycian-Greek Bilingualism* // *Bilingualism in ancient society: language contact and the written word* / Ed. by J. N. Adams, M. Janse, S. Swain. Oxford, 2002. P. 197-219.

¹¹ Gygax D. Tietz W. «He Who of All Mankind Set up the Most Numerous Trophies to Zeus»: The Inscribed Pillar of Xanthos Reconsidered // *Anatolian Studies*. Vol. 55. 2005. P. 89–90.

Примечательнее всего то обстоятельство, что Гегис был, пожалуй, первым среди ликийских династов, кто положил начало прямому политическому синкретизму, начав смешивать местный (ликийский), персидский, и собственно греческий концепты царской власти. Это прослеживается, как через специфику используемой им политической фразеологии (SEG 42 1245.8 = TAM I 44. с. 27: βασιλέα/χῆται¹²), так и на примере конкретной политической практики, в рамках которой он действует как классический династ, который разделил своё господство с представителями его рода (SEG 42 1245. 8 = TAM I 44. с. 27: συνγενέσιν δῶκε μέρος βασιλέας).

Важнейшее свидетельство относительно существования в Ликии института верховной власти в форме δυναστεία мы находим в эпиникиях сына Гегиса Эрбины¹³, найденных на нижней поверхности колонны римского времени, которая некогда служила основанием статуи посвящённой самому династу и пожертвованной им во славу его покровительницы богини «Артемиды Охотницы» (надпись «Эрбина I»), а также так называемая надпись «Эрбина II», отличающаяся большей пространностью и информативностью, представляющая собой элегию посвящённую благодеяниям правителя¹⁴.

Из этих текстов мы узнаём, что ликиец установил своё господство δυνασει τε χ[ρατίσθη] (SEG 39 1414. 4) над соотечественниками посредством завоевания отдельных частей Ликии (речь идёт в основном о западной части страны – долине реки Ксанф)¹⁵ и указывает на себя как на «правителя Ликийцев» [ὅς Λυκίοις ἄρ]ξας (SEG 39 1414. 4) характеризуя свою власть, таким образом, в качестве верховной (Hdt. I. 173. 3: ἥρχε) над ликийцами как этносом, что является очевидным сближением с властными эпитетами легендарных правителей страны (Hom. II. V. 319: βασιλεὺς τῶν Λυκίων). Здесь же он допускает интереснейшую ремарку относительно особенности своего господства определяя его характер как тиранический (SEG 39 1414. [= SEG 888] 7: ἐτυρά[ννει]), а самого себя, называя человеком, получившим свою власть как результат его беспримерной славы и отваги, известной по всей Азии. В добавок к этому династ последовательно соблюдает, ставшую видимо уже классической для Ликии конца V в. до н.э. традицию, именуя себя в качестве «прославленного» царя ликийцев¹⁶.

Не вдаваясь в дальнейшую детализацию, следует отметить, что характер власти ликийских автократов в большей степени напоминает современные представления о периферийных обществах («fascia intermedia» по Д. Ашеру)¹⁷, принадлежащих к обоюдной эллино-варварской ойкумене, в которых выразительнее всего проявил себя смешение и взаимное наложение политически разнородных институтов, генезис которых в прочих «естественных» условиях происходит несколько иначе. Думается, что ликийская δυναστεία (в Аристотелевской трактовке термина, как разновидность «разнузданной олигархии») представляла собой систему, в строгом смысле слова выведенную за пределы классического триединства монархии, тирании и полисных свобод, сочетая в себе отдельные черты всего перечисленного. Территории классической Ликии управлялись по праву сильнейшего¹⁸, что требовало определённой политической фразеологии и практики, которая могла бы помочь ликийским династам продолжительное время удерживать в подчинении и главенствовать в рамках ликийского политического союза (TAM I 83. 16; 88. 5; 95. 3; 118. 3; 150. 7: itlehi termili

¹² Raimond E. Etude philologique des inscriptions lyciennes : 1 – Τίος // Colloquium Anatolicum. IV. 2005. P. 156; Borchhardt J. Zur Deutung lykischer Audienzszenen // Actes du Colloque sur la Lycie Antique. Paris, 1980. S. 8; Zimmermann M. Untersuchungen zur historischen Landeskunde Zentrallykiens. Bonn, 1992. S. 28;

¹³ Savalli I. L'ideologie dynastique des poemes grecs de Xanthos // L'Antiquité classique 57. 1988. P. 117.

¹⁴ Bryce T.R. The Lycians. A Study of Lycian History and civilization to the Conquest of Alexander the Great. Copenhagen, 1986. Vol. 1. P. 94-95.

¹⁵ Robert L. Les conquêtes du dynaste lycien Arbinas // Journal des savants. 1978. № 1. P. 3-6.

¹⁶ Bousquet J. Arbinas, fils de Gergis, dynaste de Xanthos // Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. 1975. № 1. P. 142.

¹⁷ Asheri D. Fra ellenismo e iranismo: studi sulla società e cultura di Xanthos nella età achemenide. Bologna, 1983. P. 15-16.

¹⁸ Подробнее о подобном государственном устройстве см.: Hildebrandt B. Damos und Basileus: Überlegungen zu Sozialstrukturen in den Dunklen Jahrhunderten Griechenlands. München, 2007. S. 18.

huwedri), который проявит себя в полную силу лишь в эпоху эллинизма, после ликвидации власти династов, союз которых и стал, видимо, своего рода прообразом будущей федерации.

Одновременно с этим ликийские правители, активно лавируя между интересами персов и эллинов, старательно накапливали силы. Их власть во всех её идеологических и практических аспектах стремительно перерастала за рамки влияния территориального династа, эволюционируя в сторону собственно монархической. Что и получило своё логическое завершение в период правления Перикла Лимирского (SEG 41 1328. 2).

Булычева Елена Владимировна (Москва)

Участие оргеонов древней Аттики в экономической жизни полиса (по данным договоров об аренде и продаже общественной земли в Аттике в IV в. до н.э.).

Оргеоны – религиозные организации древней Греции, первые упоминания о которых относятся к эпохе Солона. Сведений об их деятельности сохранилось очень мало. Возможно, это связано с их замкнутостью и частным характером. По данным источников известно, что оргеоны активно участвовали в экономической сфере жизни полиса. Автор доклада на основании материала аттических договоров об аренде и продаже земли рассматривает характер экономической деятельности оргеонов. Анализ содержания надписей (договор об аренде теменоса Иатра, надпись почитателей святилища Эгрета, документ о продаже земельного участка оргеонов) даёт возможность представить оргеонов активными участниками экономических сделок. Они не только распоряжаются теменосами, но и занимаются уплатой полису чрезвычайного налога (эйсфоры), следят за организацией работ на сданной в аренду земле. Надписи также демонстрируют умение оргеонов рационально распоряжаться средствами, полученными от аренды, как правило, они вкладывают их в организацию жертвоприношений, религиозных церемоний.

Гвоздева Татьяна Борисовна (Москва)

Олимпийские и Панафинейские празднества: к истории противостояния.

Горожанова Анна Николаевна (Нижний Новгород)

Ликия в составе Делосского союза (проблемы реконструкции ликийской истории V в. до н.э.).

Реконструкция политической истории юго-западной части Малой Азии представляет собой весьма сложную задачу, что обусловлено, прежде всего, ограниченным количеством источников. Однако античная традиция содержит ряд важных свидетельств, хотя весьма неоднозначных и фрагментарных, о контактах Ликии с Афинами в V в. до н.э. В начале V в. до н.э. Ликия являлась частью персидской державы (Hdt. I. 171, 176), но в дальнейшем ситуация изменяется. Начало процесса вхождения ликийцев в сферу влияния афинян, по всей вероятности, было связано с военной кампанией во главе с афинским полководцем Кимоном на юго-западе Малой Азии накануне сражения при Эвримедонте. Информация письменных источников (Diod. XI. 60. 4; Plut. Cim. 12) находит определенное подтверждение и с точки зрения археологии. После экспедиции Кимона в Малую Азию ликийцы включаются в состав Делосской симмахии. С пребыванием ликийцев в союзе сопряжен ряд вопросов (например, чем обусловлен интерес Афин к данному региону, как осуществлялись выплаты взносов, в каком размере), ответить на которые помогает, прежде всего, информация в афинских податных списках. Вероятно, ликийцы выходят из Делосской лиги незадолго до 442 г. до н.э. Это косвенным образом подтверждается информацией о неудачной экспедиции афинского полководца Мелесандра в начале Архидамовой войны (Thuc. II. 69.).

Гороховская Людмила Павловна (Санкт-Петербург)

Финикия и Греция в доэллинистическую эпоху (по материалам прикладного искусства).

Евдокимов Павел Андреевич (Москва)

Элида в эпоху архаики и классики: полис, этнос или держава?

Забудская Яна Леонидовна (Москва)

Вазы с «театральными» сюжетами: критерии идентификации.

Объектом исследования в докладе являются вазы, изображающие «театральные» сцены. Одной из важнейших является проблема идентификации вазовой картинки как воспроизводящей именно «театральную» сцену. В работах, посвященных данной теме¹⁹, критерии отбора, как правило, четко не обозначаются.

Первый признак – содержательный: сходство сюжета вазописной картинке с сюжетом, нашедшим отражение в трагедии. Другие признаки «театрального» происхождения вазового изображения скорее формальны и связаны с отдельными элементами изображения. Это, во-первых, присутствие флейтиста, не совсем сочетающегося с мифологическим сюжетом; изображение театральных атрибутов (маски, музыкальные инструменты) и костюма (одинаковая одежда для хоревтов, особого пестрого «экзотического» одеяния для персонажей); наличие условно-архитектурных элементов (дверь, окно, колонна, свод или полусвод, имитирующий пещеру или скалу, наконец, самый «театральный» из архитектурных элементов – алтарь).

Критерии эти вроде бы очевидны, но при этом подборки театральных сцен у исследователей в некоторых пунктах совпадают, а в некоторых – разнятся. И в большинстве случаев вазописная «иллюстрация» к трагедии оказывается неточной. В докладе рассматривается характер изменений, обусловленных сменой дискурса (от сложного драматического к визуальному). Изучение принципов соотношения драматического и вазописного сюжета позволяет более точно использовать греческую вазопись как источник по истории театра.

Захаров Евгений Вячеславович (Москва)

Финальный этап обращения электровых монет Кизика в свете кладовых находок.

Змитрякова Юлия Олеговна (Казань)

Симонид Кеосский и представления о героическом в период Греко-персидских войн.

Картюк Сергей Георгиевич (Москва)

Персидская роскошь в комедиях Аристофана.

¹⁹ См., например, следующие работы: Taplin O. Comic angels: and other approaches to Greek drama through vase-painting. Oxford, Clarendon press, 1993, P. 6-7, 24; Taplin O. Pots & Plays. Interactions between Tragedy and Greek Vase-Painting of the Fourth Century B.C. Los Angeles: J. Paul Getty Museum, 2007; Pickard-Cambridge A. The Dramatic festivals of Athens. Oxford, Clarendon Press, 1988. P. 179; Trendall A. D., Webster T. B. L. Illustrations of Greek drama. London – New York, 1971; Vickers B. Towards Greek Tragedy. London, 1973., Green R., Handley E., Images of the Greek Theatre. London: Publ. by British Museum Press, 1995.

Кузицин Василий Иванович (Москва)

Институт эхехерии как фактор сдерживания военных действий в Пелопонесскую войну.

Кулишова Оксана Викторовна (Санкт-Петербург)

Сакральные основы древнегреческой драмы.

Обращаясь к основам организации драматических представлений, О.В. Кулишова подчеркнула, что они имели глубокие аристократические корни и во многом определялись древними религиозными обычаями и представлениями. Как известно, в Афинах театральные представления были включены в структуру праздников, которые, выступая важнейшей частью отношений общины с миром богов, прежде всего, являлись религиозным действием. Вполне справедливым автору доклада кажется широко распространенное в современной историографии суждение о том, что роль ритуальных черт и сакральной основы театральных представлений со временем падает и на первый план выступает их гражданское звучание (особенности этой эволюции, по мнению О.В. Кулишовой, можно проследить, например, анализируя символику и функционирование такого существенного атрибута драматического перформанса как театральная маска). Однако связь драматических постановок с религиозными установлениями вполне определенно осознавалась самими древними и в эпоху, когда время возникновения и становления театра относилась в далекое прошлое, о чем свидетельствует, в частности, анализ сохранившихся судебных речей ораторов IV в. до н.э. Данные письменной античной традиции определенно указывают на то, что организация драматических представлений в Афинах глубоко укоренена в общегреческой практике, в соответствии с которой религиозные процедуры устанавливались согласно божественным предписаниям, происходящим из панэллинских пророческих центров, подобных оракулам в Дельфах или Додоне, которые имели приоритет в установлении культа и связанных с ним ритуальных действий.

Курилов Михаил Эдуардович (Астрахань)

К вопросу о спартанских конных ристалищах (анализ IG V,213).

Макарова Ольга Михайловна (Самара)

Священные участки Афины на острове Самос середины V в. до н.э.: добровольный акт или свидетельство подчинения?

Найденные на острове Самос пограничные камни (ῥοι), отмечавшие земельные участки, принадлежавшие теменосу Афины, «Владычицы Афин» (Ἰ Αθηῶνι μεδέυσα) предлагалось считать как указанием на выведение после его подчинения в 439 г. до н. э. на остров афинской клерухии, так и свидетельством добровольного и самостоятельного включения Самоса в почитание указанных божеств в конце 50-х гг. V в. до н.э. Употребление в надписи эпитета Афины «Владычица Афин», в связи с делами союзников встречающемся также в декрете афинского народного собрания о Колофоне (ML № 47 v. 14) 447/46 года, не противоречит мысли, что выделение священных земель божееству было не результатом стремления самосцев почтить божеество полиса-гегемона союза, а одной из акций самих Афин по укреплению своего влияния в державе.

Налимова Надежда Анатольевна (Москва)

«Охота Александра». Об истоках иконографии сцен царской охоты в македонском искусстве конца IV в. до н. э.

Никитюк Елена Валентиновна (Санкт-Петербург)

Лисий и события 404-403 гг. в Афинах.

Речи Лисия являются очень важным источником для анализа политической ситуации в Афинах в конце V – начале IV в. до н.э. В докладе анализируются речи, так или иначе затрагивающие политические вопросы афинской истории этого периода (во II речи содержится сюжет о свержении тирании Тридцати в 403 г., в VII речи кратко упоминается о событиях всего периода Пелопоннесской войны, в X и XI речах – о времени правления Тридцати правителей, в XII речи дается краткий очерк событий после 411 г.). В докладе также ставится задача еще раз обратиться к вопросу о роли аристократии в свершении олигархических переворотов 411 и 404 гг., поскольку в современной историографии существуют различные точки зрения относительно их социальной базы (от утверждения, что представители аристократии были главными виновниками изменения демократического строя до признания очень пестрого состава участников переворота). Особенное внимание уделяется в докладе XII речи «Против Эратосфена, бывшего члена коллегии Тридцати», которую в целом отличает субъективный подход к изложению событий начиная с 411 г, но особенно – событий 404 г., так как семья Лисия в числе прочих пострадала в период правления Тридцати правителей. Впоследствии Лисий активно содействовал лично и финансово восстановлению демократии, что делает актуальным также обсуждение вопроса о соотношении личной мести и общественной позиции, представленных автором в этой речи.

Никулина Наталья Михайловна (Москва)

Пластика в художественной культуре Крита.

Особое внимание при рассмотрении художественной культуры Древнего Крита, как правило, уделяется минойской монументальной живописи и вазописи. Это вполне оправдано, т.к. данный вид искусства представлен большим количеством памятников, которые позволяют не только высоко оценить достижения в этой области, но и показать последовательные этапы в ее развитии.

Однако, наряду с живописью, на Крите всегда параллельно развивалось и искусство пластики во всех его разновидностях. Нам не известны произведения монументальной скульптуры, но известно большое количество произведений малых форм. Это вотивные статуэтки из глины и камня, фигурные керамические сосуды, рельефные фаянсовые пластины, стеатитовые рельефные вазы, произведения торевтики со сложными изобразительными композициями, памятники глиптики и ювелирного ремесла. Они также отражают разные этапы художественного развития минойского искусства и характерные особенности этой культуры, выделяющейся среди других культур II тыс. до н.э., и, вместе с тем, составляющей с ними единое историческое целое.

Никулушкина Ольга Александровна (Самара)

Преимственность политических курсов в Афинах в период Пелопоннесской войны.

Клеон и Алкивиад.

V век до н.э. для Афин, как и для всей Греции, – время насыщенное событиями, оказавшими огромное влияние на дальнейшее развитие этого региона.

Политическая линия Перикла, в частности внешнеполитический ее аспект, после его смерти прослеживается в политике, проводимой последовательно сперва Клеоном, а затем – Алкивиадом.

Фигура Никия выступает связующей ниточкой 420-х и 410-х гг., оттеняя политику Клеона и Алкивиад, и словно подчеркивая объединяющие их черты.

В целом по своей направленности и характеру здесь, скорее всего, логичнее говорить о двух курсах – Клеона и Алкивиада - в рамках одной политической линии, нежели о разных программах.

Осипова Ольга Владимировна (Москва)

Дионисий Галикарнасский об отступлениях в исторических сочинениях.

В докладе рассматривается анализ композиции исторических сочинений в риторических трактатах Дионисия Галикарнасского. На материале трудов Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Филиста и Феопомпа Дионисий Галикарнасский показывает, что уместные отступления создают разнообразие - "пестроту", которая является одним из достоинств композиции произведения ("расположения материала") с точки зрения риторической теории.

Подосинов Александр Васильевич (Москва)

Океанические плавания в «Одиссее» Гомера.

Цель доклада – указать на некоторые элементы картины мира древних греков, которые могли бы прояснить отдельные противоречия в географических описаниях Гомера.

Как известно, в архаическое время кругозор греков был ограничен несколькими морями, примыкающими к Греции и Малой Азии. При этом, начиная с Гомера, ойкумена считалась окруженной со всех сторон единым Океаном. Из этих двух хорошо документированных тезисов логически вытекает третий, а именно: в этой ситуации проливы – Босфорский, Мессенский, Сицилийский и Отрантский – должны были восприниматься как рубежи ойкумены, представляющие собой выходы во Внешний океан.

Это означает, что, скажем, выход в океан через Босфорский пролив находится недалеко от входа из океана в Адриатику и этим могут объясняться резкие переходы Одиссея и других античных героев (например, Геракла и аргонавтов) из северо-восточной части ойкумены (Черного моря) в западную часть (Адриатика и Тирренское море), или из Черного моря в Индийский и Южный океаны к истокам Нила, или с Гибралтара на Кавказ. Океанические плавания были, таким образом, космологической и мифологической «реалией» архаического грека.

Рунг Эдуард Валерьевич (Казань)

Греки в ахеменидских царских надписях: проблема Yauna.

Савельева Ольга Михайловна (Москва)

Греческая лирика как факт «бесспорной литературы».

Предлагается на примере стихотворения Сапфо (Sa. 16, Page; 16 Campbell) (в отечественной традиции известно условное название его переводов «К Анактории») рассмотреть особенности лирики как вида литературы, художественная задача которого, как известно, решается, в отличие от эпоса, на основе субъективного взгляда поэта-автора. Основным для структуры текста Сапфо является высказывание оценочного характера. Семантический анализ показывает, что главенствующей для содержания является идея оценки и выбора, которая последовательно здесь проводится. Так, начало оды - это утверждение сугубо личностного характера («самое прекрасное на земле – что кто-то кого-то любит») как противопоставление столь важным в эпосе ценностям войны (строй всадников, кораблей, пешее войско и т.п.). Далее мифологическая аллюзия посвящена Елене и ее выбору, а тема поэт-лирическая героиня также разрешается предпочтением личного - увидеть

подругу, Анакторию, а не знаменитые лидийские колесницы в бою. Рассматривается важная для текста оппозиция «помнить\забыть», которая сообщает ему ментальную поэтическую доминанту. Поэт, выражая через оценку и выбор свое осмысление старых тем и собственной жизни, неизменно подтверждает свою приверженность личностным, общечеловеческим ценностям. Именно это имел в виду И.М.Тронский, характеризуя сущность полидиалектной раннеклассической лирики: «Гомеровский эпос остановился на грани литературы,...отныне же мы имеем бесспорную литературу».

Селиванова Лариса Леональдовна (Москва)

Амазонский выстрел.

Синицын Александр Александрович (Саратов/Санкт-Петербург)

Отражение этнографических и географических сведений в афинской драме V в. до н.э.

Соломатина Елена Ивановна (Москва)

Об одном эпизоде политической борьбы в архаическом Милете (проблемы интерпретации и датировки).

Стрелков Андрей Валентинович (Москва)

Дионисий Медный – поэт, политик, финансист.

Суриков Игорь Евгеньевич (Москва)

Сократ и «Тридцать тиранов».

Как в источниках, так и в исследовательской литературе Сократ изображается убежденным и смелым противником кровавого, крайне-олигархического режима Тридцати (404-403 гг. до н.э.) – противником, которого не страшила никакая опасность. Реальная ситуация была значительно сложнее.

Когда Тридцать поручили пяти афинянам, среди которых был Сократ, отправиться на Саламин и арестовать некоего Леонта, Сократ демонстративно не последовал за остальными четверьмя, а пошел домой. Да, перед нами, бесспорно, акция гражданского мужества, но представим себе, что любой другой гражданин отказался бы выполнять приказ склонных к репрессиям олигархов, – что произошло бы? Ответ ясен: смертная казнь. Но Сократа не постигло никакое наказание.

При тридцати философ занимал независимую позицию и осмеливался критиковать режим. И снова – какой была реакция правителей? Крайне мягкой. Критий, фактический глава правительства вызвал Сократа для беседы, Сократ с ним побеседовал (в своем ироническом духе, как всегда), и больше ничего. Ни один другой афинянин с подобной беседы и при подобном поведении живым бы не вышел. Несомненно, Сократ – тогда, как всегда, – заботился об истине больше чем о жизни и смело говорил всё, что он думает. Но почему жестокие тираны пощадили-таки его? При Тридцати он был даже включен в список трех тысяч привилегированных граждан, хотя отнюдь не был богат, и сам этот факт тоже говорит о многом.

Политические взгляды Сократа никогда не были демократическими, вопреки регулярным попыткам современных исследователей сделать из него сторонника народовластия. Сократ – мыслитель-элитист, а не эгалитарист. Сам Критий был его учеником;

похоже, что был близок к Сократу и другой видный лидер Тридцати, Ферамен. Собственно, они стали врагами демократии и поклонниками Спарты во многом именно под его влиянием. Судя по всему, олигархи, придя к власти, планировали сделать такого известного человека, как Сократ, «знаменем» своего движения, своим идеологическим «гуру», – одним словом, связать его с собой. Тот отказывался и сопротивлялся (хотя, заметим, чисто пассивно, – например, не попытался убедить Крития не арестовывать Леонта, а просто пошел домой); но его бывшие ученики не могли решиться казнить своего учителя. Не удивительно, что восстановленная в 403 г. до н.э. демократия считала Сократа опасным врагом и вскоре нашла способ избавиться от него. Даже после его смерти, в IV в. до н.э., отношение к нему в афинской общественном мнении отнюдь не было однозначно положительным.

Тарасов Сергей Александрович (Калуга)

«Сакральная аргументация» в речах о предательском посольстве (Dem. XIX; Aesch. II).

Парных судебных речей в истории афинского судопроизводства сохранилось ничтожно мало, поэтому представляется интересным рассмотреть на примере апелляций к религиозным ценностям в противостоянии Демосфена и Эсхина изменения в общественном сознании афинян во второй половине IV в. до н.э.

Аргументация тяжущихся существенно различается, вследствие различия целей и исходных посылок ораторов. Демосфен гораздо чаще апеллирует непосредственно к богам, особенно Зевсу Агорайосу (соотношение клятв, произнесенных Демосфеном и Эхином: 24 к 3). В отношении «отеческого поведения» образцами для него являются афиняне периода борьбы с персами. Эхин, напротив, почти не использует клятвы как риторический прием, в отношении же «отеческого» опыта, он использует популярную в то время уловку, – ради воздействия на чувства судей, – приглашения в суд родственников (отца, братьев и т.д.), чьи гражданские доблести и перечисляет.

Таким образом, обращения Демосфена и Эсхина к религиозным ценностям афинян расположены в различных плоскостях и служат исключительно практической цели – победе в процессе. Обвинения сторон друг друга в нечестии выглядят проходными моментами и не акцентируются.

Тесле Кирилл С. (Москва)

Стадии посвящения в самофракийские мистерии.

Туманс Харийс (Рига)

«Львы» и «волки» у Гомера: заметки к эпической «табели о рангах».

Как известно, в литературе издавна широко обсуждается вопрос о социальной стратификации и социальных отношениях в т.н. «гомеровском обществе». Со временем становится все более очевидно, что однозначное и окончательное решение проблемы вряд ли возможно. Поэтому особый интерес представляет то, как сам эпический поэт классифицирует людей. Об этом также не раз говорилось и, как известно, для этой цели в эпосе широко используется целый арсенал поэтических средств, в виде описаний, эпитетов и сравнений. В данном случае предметом пристального рассмотрения стали поэтические сравнения людей с животными. Анализ этих сравнений показывает, что в их употреблении наблюдается определенная система, в которой нашла отражение своеобразная «табель о рангах». Дело в том, что в использовании таких сравнений соблюдается строго очерченная иерархия: первейшие герои сравниваются со львами и орлами, следующими по рангу идут вепри и быки, а в самом низу пирамиды находятся волки и псы. Нетрудно заметить, с помощью данных сравнений определяется не только социальный статус воинов, но также их моральные и физические качества. Соответственно на плечах героев можно увидеть то львиную, то волчью

шкуру – в точном соответствии со статусом каждого. Образ льва используется всякий раз для характеристики самых выдающихся героев – басилеев, с явными указаниями на их царственный статус. Антиподом ко «львам» являются «волки» – т.н. «малые воители», но также и совершенно негодные люди, вроде ничтожного Долона. При внимательном прочтении можно заметить, что как личные качества людей, так и их взаимоотношения во многом характеризуются именно их эпической «природой», выражаемой с помощью сравнений из мира животных. В эпосе вырисовывается также некоторое противостояние между «львами» (равно как и «вепрями») и «волками», что хорошо прослеживается на примере эпической «биографии» Одиссея. Вместе с тем, сравнение с волками в эпосе значительно чаще используется по отношению к троянцам, чем к ахейцам и в этом тоже прослеживается известная закономерность.

Тюряхин Илья Николаевич (Орск)

К вопросу о численности совета в Мегалополе.

Шарнина Ариадна Борисовна (Санкт-Петербург)

Межполисные отношения и панэллинские празднества (VIII – VI вв. до н.э.).

Панэллинские празднества возникли из уклада жизни аристократии в период «темных веков» и некоторых древнейших религиозных обычаев эллинов (гостеприимство, неприкосновенность людей на территории святилищ, безопасность священников). Аристократы разных общин были связаны между собой священными узами гостеприимства, налагавшими взаимные обязательства. Они приглашали друг друга на пиры и устраивали состязания с раздачей даров и наград.

Общеэллинские празднества в какой-то степени можно рассматривать в начале их истории как такие собрания знати разных общин. Новым было соединение состязаний с религиозными обрядами, и в связи с этим замена ценных призов религиозными символами – венками. Переход от материальных наград к символическим призам был, вероятно, связан и с идеей равенства между элитами разных общин.

Однако конкретные причины и исторические условия возникновения четырех панэллинских игр были различными. Истмийские, Пифийские и Немейские игры стали общегреческими спустя почти два века после Олимпийских игр. Ситуация в Элладе VI в. до н.э. существенно отличалась от той, что была в VIII в. до н.э.

Шергина Наталья Андреевна (Санкт-Петербург)

К вопросу о продолжительности сооружения туннеля Эвпалина на Самосе.

Во второй половине VI в. до н.э. на Самосе под руководством мегарца Эвпалина сквозь гору Кастро был сооружен туннель для снабжения города водой. Это строение длиной более километра описано ещё Геродотом (III, 60). Прокладывавшийся одновременно сразу с двух сторон, этот туннель являлся не только самым крупным сооружением подобного типа в Греции, но и достаточно трудным для того времени с точки зрения технической сложности выполненных работ.

Недостаточность данных о времени начала и окончания строительства привела к тому, что оценка зарубежными исследователями предположительной продолжительности возведения туннеля отличается в три раза – от 5 до 15 лет. Представляется интересным с помощью выполнения технических расчётов оценить, сколько времени требовалось для создания этого сооружения.

Общепринята гипотеза о том, что ко времени нападения на Самос спартанцев в 525 г. до н.э. туннель уже был завершён и помогал выдержать Поликрату осаду. В таком

случае выяснение приблизительной даты начала строительства позволило бы установить – начато ли оно в период правления тирана, или же было заложено ещё его предшественниками.

Цымбал Оксана Григорьевна (Ярославль)

Политическая концепция Эсхина: к вопросу о характере политических группировок в Афинах IV в. до н.э.

Целью доклада является определение причин противоречий в политических взглядах Эсхина и выявление характера политической группировки, интересы которой выражал оратор. Политическая концепция Эсхина получала неоднозначные оценки в историографии. Это в некоторой степени объясняется особенностями источниковой базы. Основой наших сведений об Эсхине служат его собственные речи и речи его главного противника - Демосфена. Все остальные источники носят вторичный характер. Исследователи, исходившие из наличия про- и антимакедонской партии в Афинах, давали или крайне отрицательную оценку воззрениям и деятельности Эсхина (А. Боннар, С.И. Радциг), или исключительно положительную (К.Ю. Белох). Современные исследователи, сторонники концепции обновления политической элиты Афин в IV в. до н.э., воздерживаются от резких суждений и стремятся найти объяснение политических взглядов оратора, пытаются определить его роль в структуре политической элиты Афин, и причисляют его к так называемым «новым политикам» (К. Моссе, Э.М. Харрис, Л.П. Маринович). Однако анализ речей оратора и его биографии не позволяет, по мнению автора доклада, видеть в нем типичного представителя новой знати. Противоречия в политических взглядах Эсхина были, как показывает проведенное исследование, результатом поиска компромисса между аристократическими ценностями и новой политической идеологией. В докладе делается вывод, что позиция оратора свидетельствует о сложной расстановке сил на политической арене в Афинах IV в. до н.э., деление которых на два лагеря «старых» и «новых» политиков является слишком упрощенным и не отражает весь их спектр.

ЭЛЛИНИЗМ

Анохин Артем Сергеевич (Москва)

Царь Антиох IV Эпифан и община сидонцев в Сихеме: несколько штрихов к вопросу о государственном делопроизводстве у Селевкидов.

Балахванцев Арчил Савельич (Москва)

Некоторые вопросы источниковедения ранней Парфии.

В докладе анализируются две основные традиции изложения раннепарфянской истории в античной литературе: Страбона - Юстина и Арриана. Автор приходит к выводу, что, во-первых, каждая из этих версий обладает внутренним единством, и, во-вторых, водоразделом между ними стал приход к власти в Парфии около 90 г. до н.э. потомков брата Аршака I — Тиридата.

Бубнов Денис Васильевич (Пермь)

«Люди хоры»: одна особенность социальной структуры сицилийской державы Дионисиев.

Габелко Олег Леонидович (Казань)

«Плавание по Боспору» Дионисия Византийского как исторический источник.

Гуленков Кирилл Львович (Москва)

Повод к Первой Митридатовой войне.

Непосредственным поводом к началу Митридатовых войн, спровоцировавшем понтийского царя на захват Каппадокии, еще со времен Т. Рейнака традиционно считается вызывающий ответ римских магистратов послу Евпатора - Пелопиду: «Мы бы не хотели, чтобы и Митридат потерпел что-либо неприятное от Никомеда, но мы не потерпим, чтобы против Никомеда была начата война...» (App. 14. Пер. Кондратьева С.П.). Однако, такое решение вопроса нельзя считать правильным, т.к. по сути этот ответ означал, что римляне удовлетворили основную просьбу Митридата – запретить Никомеду вторгаться в Понт. Показательно, что Аппиан не передает ответа Пелопида на заявление римских магистратов, а сразу же переходит к последующим событиям, пропуская тем самым, самое важное для нас – повод побудивший Митридата к войне с Римом.

Настоящим поводом к войне послужило иное событие. Таким событием могла быть только переданная царю информация о катастрофическом положении римского государства, терпящего поражение в Союзнической войне. Однако, что бы принять эту версию необходимо уточнить датировку начала войны, т.к. господствующая сейчас дата – осень 89 г., не позволяет это сделать (к этому моменту римляне уже перехватили инициативу и их окончательная победа в войне была очевидна). Мы предлагаем отнести начало войны (захват Каппадокии) на весну 89 г., аргументируя это целым рядом свидетельств имеющихся в источниках.

Зверев Ярослав Игоревич (Москва)

Гоплиты-ополченцы или гоплиты-тяжеловооруженные? К проблеме гражданского ополчения в эллинистической Греции.

Зелинский Андрей Леонидович (Киев)

О кратковременном альянсе Птолемея и Деметрия (Suda, delta 431. Adler).

Каранаев Михаил Николаевич (Казань)

Армия и власть в государстве Хасмонеев.

Климов Олег Юрьевич (Санкт-Петербург)

Новые эпиграфические источники по истории восстания Аристоника.

Восстание Аристоника в Пергаме представляет собой одно из слабо и противоречиво освещенных в источниках и потому недостаточно изученных событий позднеэллинистической истории. Многочисленные исследования не смогли окончательно снять имеющиеся неясности в решении ряда аспектов восстания. В подобной ситуации решение имеющихся проблем возможно путем дополнительного, углубленного исследования имеющихся источников, а также благодаря открытию новых источников. Поэтому особое значение приобретают открытые в последние десятилетия новые эпиграфические памятники.

Прежде всего, это относительно новая эпиграфическая находка - короткое (всего 14 строк) стихотворное посвящение Гераклу от имени трех воинов из Эпира, вырезанное на постаменте статуи Геракла. Статуя была поставлена воинами, которые воевали под руководством Марка Перперны против Аристоника. Документ был найден в 1983 году при раскопках в Кассопе, на территории древнего Эпира, но опубликован Р. Меркельбахом только в 1991 году и не привлек того внимания, которого безусловно заслуживает. Документ содержит новую информацию относительно подавления восстания Аристоника римлянами: имеющиеся нарративные источники не упоминают участие в подавлении восстания вспомогательных военных контингентов из полисов Балканской Греции. На основании данной надписи об этом можно говорить с уверенностью.

Вторым новым источником являются две надписи (объемом около 100 строк), найденные в 1999 году в ионийском городе Метрополе в Малой Азии. Документы представляют собой почетные декреты в честь Аполлония, сына Аттала, который вместе с согражданами участвовал в подавлении восстания Аристоника и погиб. Наряду с информацией, которая не является совершенно новой, а лишь подтверждает данные нарративной традиции, имеется и ряд принципиально новых сведений, дополняющих картину событий восстания. Прежде всего, документы подкрепили сообщения ряда авторов о том, что к борьбе против Аристоника были привлечены ополчения малоазийских городов. Данные тексты также подтверждают несомненный ныне тезис о том, что в эпоху эллинизма города Малой Азии, в том числе зависимые от царей, обладали собственными ополчениями, а граждане полисов проходили военное обучение. Существенным дополнением является то, что в подавлении восстания участвовали ополчения даже таких небольших городов, как Метрополь. Городское ополчение поступило под командование римских командиров (названы их имена), полевой лагерь, в котором собирались войска, находился около города Фиатира. Война была тяжелой и кровопролитной - в ходе боев ополчение Метрополя понесло потери. Найденные эпиграфические документы подтверждают в целом надежность нашей

нарративной традиции относительно восстания Аристоника и вселяют оптимизм по поводу возможности столь же значимых находок и в дальнейшем.

Корнилов Юрий Викторович (Казань)

К вопросу о царской титулатуре Александра Великого.

Коровчинский Иван Николаевич (Москва)

Киней, основатель Ай-Ханум - кто он?

Кудрявцева Татьяна Владимировна (Санкт-Петербург)

Магические практики в судопроизводстве эллинистического и римского времени.

Судебная магия использовалась тяжущимися еще в классической Греции – особенно много примеров дают нам Афины (таблички с проклятиями, куклы «вуду»). Однако афинские ораторы ничего не говорят о судебной магии в своих речах – видимо, не воспринимая подобные практики всерьез и считая их уделом маргиналов и малообразованных сограждан. Ситуация меняется в эллинистическое и римское время. В докладе приводится ряд примеров, в частности: надпись с о-ва Делос III в. до н.э.; процесс Титинии в Риме (I в. до н.э.); проклятие, наложенное на Либания (IV в.). Затрагивается проблема использования различных представителей животного мира для ворожбы, особенно хамелеона. Делается вывод о том, что использование магии в судебных целях широко распространилось в римское время по всему античному и пользовалось огромной популярностью даже в христианской Римской империи.

Кузьмин Юрий Николаевич (Самара)

Каллиппа и Бероя.

Эпиграфические источники эллинистического времени фиксируют в македонском г. Бероя знатную семью представители которой носили имена Гиппострат и Каллипп (ЕКМ I. 1, 4). В свою очередь, Диодор упоминает некую Каллиппу – бывшую *pallakis* царя Персея, жившую впоследствии с Атталидом Афинеем (Diod. XXXII. 15. 4–5), младшим братом царей Эвмена II и Аттала II. Время связи Каллиппы с Персеем неизвестно; она могла иметь место как до женитьбы последнего Антигониды на селевкидской царице Лаодике (ок. 178–177 гг. до н.э.), так и на протяжении этого брака. Вполне допустимо, что Каллиппа, обладательница редкого аристократического имени, чья жизнь оказалась связанной с представителями двух царских династий – Антигонидов и Атталидов, происходила из знатной семьи Гиппостратов-Каллиппов из Берои. Если эта догадка верна, то появляется еще один аргумент в пользу мнения Ч. Эдсона о тесной связи дома Антигонидов с Бероей.

Маккавеев Николай Александрович (Москва)

Особенности денежного обращения в Харакене.

Новиков Сергей Викторович (Москва)

От ипотеки к долговому рабству (Сделки о займах из Дура-Европос).

Софена в римской восточной политике в I в. до н.э. – I в. н.э.

Софена – область, расположенная в верховьях Евфрата между Антитавром и Тавром, граничившая на севере и востоке с Великой Арменией, на западе – с Каппадокией и Коммагеной, на юге – с Месопотамией. Софена играла важную стратегическую роль, являясь связующим звеном между Малой Азией и Месопотамией.

С конца II в. до н.э. Софена находилась в сфере интересов Армении, Каппадокии и Парфии и продолжала сохранять независимость до 95 г. до н.э. Невозможно определить статус Софены в договоре Суллы с парфянами. Вероятно Сулла рассматривал Софену как буферную территорию между Парфией и Арменией и стремился использовать её положение для недопустимости союза Митридата II и Митридата VI. В 95 г. до н.э. Софена была завоёвана Тиграном и управлялась его ставленником. Во время экспедиции Лукулла в Армению жители Софены предложили ему своё сотрудничество. Лукулл передал часть Софены царю Каппадокии Ариобарзану. После войны Помпея и Тиграна, Софена вместе с Гордиеной отошли во владение Тиграна Младшего. Согласно Аппиану, Помпей, впоследствии передал Софену Ариобарзану; ему противоречат сведения Плутарха и Диона Кассия: Софена продолжила оставаться частью Армении. Возможно предположить, что в Софена, как и Гордиена находилась под контролем легата Помпея.

Софена продолжала оставаться частью Великой Армении до 54 г. н.э., когда Нерон передал её под управление Сохаема из Эмесы. Согласно Тациту, в Софене дислоцировались войска Корбулона, что, однако, не означало её оккупации римлянами.

Место Софены в римской восточной политике можно определять в контексте роли отводимой Римом Великой Армении – буферного царства на границе с Парфией.

Разумович Дарья Андреевна (Донецк)

Архитектура храмов Исида в Александрии Египетской по данным нумизматики.

Археологическое исследование архитектуры древней Александрии весьма проблематично, главным образом потому, что современный многомиллионный город располагается на территории выбранной Александром Великим для строительства новой столицы Египта. Однако, изучение особенностей архитектуры древнего города и реконструкция внешнего облика основных его сооружений возможна, при комплексном использовании данных археологии, нумизматики и письменных источников.

Согласно сведениям Тацита (Тас. Hist., IV, 84) и Арриана (Arrian. Anab., III, 1, 5) нам сегодня достоверно известно, что в Александрии существовало, по крайней мере, два храма посвященных Исиде. Анализ сведений античной литературной традиции позволяет предположить, что храм, описанный Тацитом, скорее всего, располагался в египетском квартале Ракотис, а храм, о существовании которого повествует Арриан, вероятнее всего находится в греческой части Александрии, планировкой которой Александр Великий занимался лично.

Анализируя большие бронзовые драхмы, которые были отчеканены в Александрии во времена римского правления, представляется возможным выделить два типа храмов посвященных Исиде. Первый тип — храм Исида с пилоном, встречается на монетах, выпущенных в период правления Траяна и Адриана. Второй тип — храм Исида с сегментным фронтоном, встречается на монетах, выпущенных в период правления Траяна, Адриана, Антонина Пия, Марка Аврелия.

Храм Исида с фасадом в виде большого пилон является примером египетского стиля в архитектуре Александрии. Пилон храма по своей архитектурной форме и отдельными архитектурными элементами, такими как, наличие оконных проемов на верху пилон, и вертикальных флагштоков с внешней стороны, принадлежит к сооружениям, построенным в традиционном египетском стиле во времена правления династии Птолемеев. Примером внешнего вида данного храма может служить храм Гора в Эдфу.

Архитектурный стиль храма Исиды с сегментным фронтоном очень интересный. Он имеет египетские корни, происходит от обычной камышовой хижины с сегментной кровлей, типичной для Египта додинастических времен. Особую популярность этот стиль получает в греко-римский период. Примером внешнего вида данного храма могут служить часовни из александрийских катакомб Ком-эль-Шукафа, а также изображение на мозаиках, обнаруженные в александрийских некрополях. Храм имеет вид сплошной ступенчатой основы (подиума с двумя ступеньками), с двумя выпуклыми египетскими колонами, установленными на базу. Колонны завершаются капителями в виде цветов папируса, фронтон имеет форму сегмента и украшен солнечным диском. Архитрав выполнен простым, возможно в дорическом стиле. Фриз выполнен в виде полосы, которая делится чередованием триглифов и метоп. Известно, что чередование триглиф и метоп образуют фриз в дорическом ордере. Это позволяет нам сделать вывод о том, что данный храм выполнен в греко-египетском архитектурном стиле и является примером синкретизма в архитектуре.

Проанализировав нумизматические источники, которые позволяют воссоздать внешний вид храмов Исиды, и, опираясь на сведения нарративных источников, можно сделать вывод, о том, что описанный Тацитом храм был построен в доэллинистический период вероятнее всего в традиционном египетском стиле. Храм, который планировал построить Александр, скорее всего, был построен при его преемниках и архитектурный стиль данного храма носил синкретический характер.

Смирнов Святослав Викторович (Москва)

«Восточный поход» Антиоха I.

Доклад посвящен одному малоизвестному эпизоду в истории государства Селевкидов – походу на Восток Антиоха I в период его совместного правления с отцом Селевком I. «Восточный поход» Антиоха не был освящен в письменной греко-римской традиции, однако основные этапы этого события можно реконструировать на основе клинописных текстов, а также нумизматического и археологического материала. Сопоставляя данные этих источников, автор делает попытку восстановить последовательность исторических событий этой компании и приходит к выводу, что сам поход соправителя Антиоха на Восток был не столько военной миссией, сколько разносторонней реорганизацией восточных сатрапий, с целью укрепить власть Селевкидов в этом регионе.

Телешева Ксения Сергеевна (Москва)

Начальный этап эллинистической колонизации Средней Азии.

1. В докладе греко-македонская колонизация Средней Азии рассматривается с точки зрения ее влияния на развитие региона по отношению к предшествующей эпохе.
2. В историографии наравне с термином «колонизация», употребляется также термин «урбанизация». Однако последний предполагает более узкое понимание характера освоения территории в эллинистический период и не включает активность, связанную с сельскохозяйственной округой, с которой поселение оставалось неразрывно связано. Для основания новых поселений выбирались места уже освоенные или даже урбанизированные. Поэтому предпочтительно употребление термина «колонизация».
3. Чтобы понять, в какой степени завоевания Александра Македонского определили «разрыв» между двумя эпохами: периодом господства Ахеменидов и наступившим эллинизмом, необходимо исходить из двух основополагающих методологических принципов: исследование эллинизма необходимо объединить с исследованиями ахеменидского периода, а данных письменной традиции необходимо сочетать археологическими материалами.
4. Согласно данным археологии, на территории Средней Азии не происходит качественного скачка на рубеже ахеменидской и эллинистической эпох. На этой территории уже существуют крупные поселения городского типа, служившие административными и хозяйственными центрами, существует система оборонительных укреплений, а также прослеживается

существование развитой ирригационной сети. Распределение памятников в это время определялось доступностью водных ресурсов.

5. Колонизационная программа, сопровождавшая завоевания Александра была связана в первую очередь с вопросами политической власти. Античные авторы зачастую характеризуют эллинские поселения, создававшиеся по приказаниям Александра, как средство для защиты от варваров, живущих по-соседству, и указывают, что они служили «уздой для покоренных народов». Эти сведения следует трактовать как указание на закрепление верховного права царя на землю в регионе, где при Ахеменидах охранялись образования различной степени независимости.

Щеглов Дмитрий Алексеевич (Санкт-Петербург)

Среднеазиатский поход Александра Македонского в свете античных географических представлений.

Юрин Алексей Игоревич (Санкт-Петербург)

Городское самоуправление в Македонии при последних Антигонидях (по материалам устава гимнасия из Берои II в. до н.э.).

Устав гимнасия из Берои II века до н.э. является превосходным источником для изучения не только духовной жизни полиса, но и системы городского самоуправления. Материал устава дает возможность рассмотреть функции практически всех важнейших городских магистратов Берои (стратег, политарх, экзетаст, гимнасиарх). Наряду с ними упоминаются менее значимые должности такие, как лампадархи и др. Наконец, согласно уставу в городе функционируют следующие органы управления: народное собрание, городской архив, суд и др.

Важной особенностью этого эпиграфического памятника является то, что в нем нет ни единой отсылки к царской власти. Это и ряд других обстоятельств толкали исследователей на датировку документа временем после упразднения царской власти в Македонии. Между тем сегодня практически не остается сомнений в датировке устава временем первой трети II века до н.э., скорее всего, царствованием Филиппа V.

Таким образом, принимая во внимание отсутствие указаний на царскую власть и разветвленную систему городского самоуправления, можно констатировать высокий уровень развитости городской политической жизни в Македонии при последних Антигонидях. Этот тезис подтверждается указаниями письменных и нумизматических источников об определенной автономии македонских городов в правление последних Антигонидов.

ДРЕВНИЙ РИМ

Абрамзон Михаил Григорьевич (Магнитогорск)

Монетные клады как источник по римско-боспорской войне 45-49 гг. н.э.

Беликов Александр Павлович (Ставрополь)

Судебные процессы против Марка Попилия Лената в 172 г. до н.э. и Сервия Сульпиция Гальбы в 149 г. до н.э.

В 173 г. до н.э. консул Марк Попилий Ленат без малейших на то оснований разграбил город лигуров, и всё его население продал в рабство. В 150 г. до н.э. пропретор Дальней Испании Сульпиций коварно напал на лояльных Риму лузитан, многих перебил, уцелевших продал в рабство.

Такие незаконные действия против племён, ни в чём не провинившихся перед Римом, вызвали бурю возмущения в столице. Однако судебные процессы 172 и 149 гг. до н.э. против Попилия и Сульпиция не привели к их осуждению. Используя свои политические связи, помощь родственников, откровенную демагогию, взывая к сочувствию плебса - нобили сумели избежать наказания.

Тем не менее, даже попытка привлечь их к ответственности важна сама по себе. Поскольку она наглядно опровергает один из основных тезисов сторонников идеи, что филэллизм был не только культурным, но и политическим течением. Тезис этот гласит: Рим всегда жёстко пресекал любые попытки несправедливо обидеть эллинов, поскольку сенат в своей деятельности руководствовался явным филэллизмом, и нет примеров подобных действий сената относительно других народов.

В данном же случае римское правительство пыталось защитить от произвола лигуров и лузитан. И произошло это в том же самом II в. до н.э., на который приходятся наиболее важные события римско-греческих отношений. Следуя логике вышеприведённого тезиса, это даёт основания говорить о филлигуризме и филлузитанстве сената?

Полагаю, ответ на этот вопрос очевиден.

Боровков Павел Сергеевич (Екатеринбург)

Понтифики и искупление продигий в Римской республике в IV – II вв. до н.э.

В историографии неоднократно отмечалось, что положение понтификов в сфере искупления продигий в период Классической республики (IV– первая половина II вв. до н. э) выглядит явно маргинальным при сравнении с активностью других жречеств²⁰.

Решения понтификов в сфере искупления продигий отличается общая формулировка, определяющая в качестве мероприятий: *hostiis maioribus*, либо *hostiis maioribus et supplicatio diem*. Также можно заметить, что большинство решений сената аналогичны формулировкам декретов понтификов (Gell. IV.6.2; Liv. XXVIII.11.5; XXXII.1.13; XXXVI.21.9; XL.19.4; 53.4; XLI.9.7; 15.4; XLII.28.7). Вполне возможно, что сенат готовил свои постановления в сфере искупления продигий на основе уже неоднократно применявшегося того или иного декрета понтификов.

Таким образом, с одной стороны, полномочия понтификов в сфере регулирования публичных продигий были явно ограничены. С другой стороны, есть все основания предполагать, что понтифики благодаря своей деятельности по интерпретации и искуплению

²⁰ Сведения о продигиях наиболее полно и последовательно изложены у Ливия и Юлия Обсеквенса, см.: Rasmussen S. W. Public portents in republican Rome. Published by L'ERMA di BRETSCHNEIDER, 2003. P. 55–84.

продигий создавали абстрактные нормы сакрального права, которые использовались сенатом в целях технического упрощения и более эффективного управления процессами в области государственных священнодействий. Учитывая такой аспект деятельности понтификов в сфере публичных продигий, мы не можем согласиться с точкой зрения, что положение этой коллегии в Римской республике было второстепенным по сравнению с другими жречествами.

Бугаева Наталья Владимировна (Москва)

***De prodigiis* Юлия Обсеквента и утраченный рассказ Ливия о заговоре Катилины.**

Докладчик обращается к сочинению позднего (по-видимому, жившего в III-IV вв. н.э.) автора, оставившего нам перечень знамений, содержащихся в «Ab Urbe condita». Интерес вызывает мнение Юлия Обсеквента о коллеге Цицерона, Г. Антонии, как о подлинном победителе при Пистории; это делает более обоснованной гипотезу, что схожая позиция Флора и Евтропия восходит к ливийской точке зрения.

Продигии являются весьма важная часть цицероновой версии происшедшего. Мотив божественного покровительства Риму и лично консулу М. Туллию присущ как Катилинариям, так и ряду недошедших до нас сочинений. Великий оратор подробно перечисляет, какие продигии были явлены и непосредственно в 63 году до н.э., и двумя годами раньше (Cic., Cat. III, 18-20; De div. I. 18-20). Недоброжелательно относившийся к Отцу Отечества Саллюстий говорит о продигиях очень вскользь, среди гораздо более важных известий, причем никак не связывает это с Цицероном (Sall. Cat. 30. 1-2). За кем последовал Ливий?

Самый надежный свидетель по данному вопросу - Юлий Обсеквент (Obseq. 61). Характерна структура его сообщения: продигии за 65 год до н.э. помещены под рубрику, отведенную для чудес, имевших место в консулат Отца Отечества. Так было в Третьей Катилинарии и в цицероновой поэме, а значит и в прозаических сочинениях, над которыми М. Туллий работал в конце 60-ых годов до н.э. Приковывает взгляд эпитет заговора у Обсеквента – «нечестивый» (nefarius), слово из политической лексики Цицерона. Саллюстий использует его применительно к участникам событий 63 г. до н.э. лишь дважды в примечательном контексте (Sall. Cat. 15. 1; 52. 36). Перечень продигий Обсеквента полнее и детализированнее, чем у кого-либо (за исключением Отца Отечества), хотя у него ничего нет о призраках, упомянутых Цицероном, Плутархом и Дионом Кассием (Cic. De div. I. 18; Plut. Cic. 14; Dio Cass. XXXVII, 25, 2).

Таким образом, согласно «De prodigiis», Ливий передал очень много из того, что характерно для цицероновской версии событий 63 года до н.э. Известно, что историк из Патавия питал симпатию к Отцу Отечества – государственному деятелю и выдающемуся оратору. Поэтому ливийский рассказ о заговоре Катилины, видимо, имел много общего с сохранившимися речами и утраченным комплексом автобиографических работ великого оратора.

Васильев Андрей Владимирович (Санкт-Петербург)

К вопросу об эволюции консулата в эпоху Самнитских и Пирровой войн (вторая половина IV - первая треть III вв. до н.э.).

К середине IV в. в общем и целом сложился институт консульской власти в том его виде, в каком он оказался классическим образцом для историков государственного права римской республики. Однако развитие консулата продолжалось и после законодательства Лициния-Секстия (367 г. до н. э.). В докладе автором затронуты проблемы введения принципа выборности военных трибунов, передачи права составления списка сенаторов от консулов к цензорам, а также Генуциева плебисцита и его влияния на развитие высшей магистратуры республики. Основной тенденцией в развитии консульской власти в период крупных италийских войн автор считает процесс практически полного вытеснения консулов из гражданской сферы в военную. В связи с этим нормальным для этой эпохи становится несоблюдение правил, установленных Генуциевым плебисцитом, а также практика заочного избрания консулов.

В докладе проанализированы также примеры новых форм политической жизни республики нобилей, как, например, складывание альянсов между некоторыми патрицианскими и

плебейскими родами с целью объединения ресурсов в предвыборных кампаниях. Кроме того, рассмотрена и проблема проявлений нового самоопределения консулов не только как исключительно городских властей, но и как верховных арбитров в делах союзников.

Власова Ольга Александровна (Ярославль)

Сакральная сфера в деятельности римского претора.

В докладе рассматривается вопрос о сакральных аспектах административно-правовой деятельности претора в Риме. В историографии данной стороне преторской деятельности уделяется незаслуженно малое внимание.

На основе анализа нарративных, эпиграфических и нумизматических источников автор доклада делает вывод о возможности выделения в сакральной сфере обязанностей претора следующих направлений:

1. Открытие и проведение игр - *cura ludorum*. Именно с должностью претора связано создание и начало регулярного празднования Аполлоновых игр (*Liv.* XXV. 12. 2-12; XXVII. 23. 7), а также проведение Римских игр (*Liv.* VIII. 40. 2-3).

2. Обеты богам, которые давал претор. Это могли быть обеты провести игры (сами игры в таких случаях носили название чрезвычайных – *Macr. Sat.* I. 16. 6) или построить храм (*Liv.* XXXV. 41. 8; XLII. 7. 1; XXXIV. 53. 7 и др.). Обеты претор мог давать как по собственному желанию, так и по велению сената, обычно в случае тревожных знамений (*Liv.* XXI. 62. 10).

3. Исполнение претором ряда сакральных ритуалов при строительстве обетованного храма - ритуал определения и освящения места для будущего храма (сам этот ритуал обозначался термином *locare*, «сдавать в аренду»); - претор мог освящать храм (*Liv.* XXXIV. 53. 4; XXXIV. 53. 4 и др.), то есть обладал правом консекрации или дедикации. В таких случаях его имя увековечивалось на посвянительной надписи; - претор же по решению сената мог снимать посвящение (*Cic. De domo.* LIII. 136-137).

4. Сакрально-правовая область деятельности претора в Риме включала, возможно, и контроль за соблюдением *mos maiorum*, «обычай предков», за нравственностью, куда входил и «розыск святынь» - «*sacri conquirendi*», то есть претор должен был следить за появлением в римском обществе слухов и молвы о различных случаях и вещах загадочного свойства и определять, насколько найденные предметы могут являться сакральными.

Автор доклада приходит к выводу, что сакральная сфера в деятельности претора в Риме включала в себя множество важных аспектов и была направлена на поддержание *pacis deorum*, стабильного функционирования римской общины в рамках традиционной морали и обычаев предков.

Гвоздева Инна Андреевна (Москва)

***Controversia de via* в аграрных сервитутах по *Corpus agrimensorum Romanorum*.**

Гвоздева Инна Андреевна (Москва)

Агонистика в «Энеиде» Вергилия.

Гончаров Владимир Александрович (Воронеж)

«Волчьи» черты сакрального сообщества луперков.

В докладе проводится анализ «волчьих» черт древнеримского сакрального сообщества луперков с точки зрения проведения параллелей из сферы мифологической традиции и культовой практики других индоевропейских народов Древности и раннего Средневековья. На

этой основе делается вывод о том, что луперки изначально, по всей вероятности, представляли собой инициационное сообщество типа мужского союза.

Грешных Анна Николаевна (Москва)

Божества перехода в римском архаическом сакральном календаре.

Григорюк Тимофей Викторович (Ярославль)

Консулат и префекты претория в 340-350 гг.

В докладе рассматривается вопрос о системе назначения консулов вообще и старших консулов в частности в период 340-350 гг. В историографии позднеантичного консулата этот период отдельно не выделяется, в то время как система назначения консулов явно отлична от предшествующего и последующего времени. Также в исследовательской литературе фиксируется отсутствие данных в источниках о консулах 345 г. Флавии Амантии и 350 г. Флавии Сергии, без попыток реконструкций этапов их карьер.

Анализируя консульские коллегии 340-350 гг., можно выявить некоторые закономерности в назначениях консулов. Во-первых, паритет в назначении консулов между Константом и Констанцием, который нарушался, по-видимому, только в 341 и 344 гг. Во-вторых, назначение старшим консулом действующего на момент начала консулата префекта претория, наиболее старшего в коллегии префектов (вступившего в должность раньше других) и не занимавшего до этого ординарного консулата. Исключения – консул 343 года Фурий Пладид, чье назначение, очевидно, являлось уступкой Констанция; консул 347 года Вулкаций Руфин, по всей видимости, признанный старшим из-за родства с императорами и гипотетический случай 350 года с Флавием Сергием.

Основываясь на данной выявленной системе, можно предположить, что: 1) старший консул 345 года Флавий Амантий являлся префектом претория Италии, Африки и Иллирика, заняв должность не ранее 28 мая 344 и сложив полномочия не позднее 23 мая 346 гг. 2) старший консул 350 г. Флавий Сергий был префектом претория Галлии, вступив в должность в последние недели 349 г. и заняв место Фабия Тициана, что способствовало участию того в мятеже Магненция.

Громова Анна Викторовна (Москва)

Иоанн Малала о правлении императора Диоклетиана и о событиях на римском Востоке в конце III в.

Диоклетиану Малала уделяет больше внимания, чем какому-либо другому императору III в. Император неоднократно приезжал в Антиохию, которая представляла собой важный плацдарм для восточных кампаний.

Раздел «Хронографии», посвященные его правлению - XII, 37-46²¹, - делится на несколько тематических блоков: постройки в Антиохии (большой дворец, термы, зернохранилище, фабрики для изготовления военного снаряжения, храмы), успешная война с персами, восстание в Александрии, укрепление восточной границы Римской империи, «от Египта до персидских пределов».

В данном докладе основное внимание уделено исторической достоверности сведений Малалы о строительных работах в Антиохии, для описания которых он, видимо, пользовался данными местных хроник.

Также рассмотрен сюжет о пленении жены царя Нарсе, который встречается также у

²¹ Ioannis Malalae Chronographia, rec. Ioannes Thurn. // Corpus fontium historiae Byzantinae. Vol. 35. Ser. Berolinensis. Berolini, 2000. P. 236-239.

других историков, от Евтропия до Феофана. С привлечением отрывка Петра Патрикия удается восстановить детали заключения мирного договора, который заложил основу дипломатических отношений Империи с сасанидским Ираном вплоть до арабского завоевания.

Данилов Евгений Сергеевич (Ярославль)

Римский опыт использования торговцев для получения военной информации.

Доклад посвящен торговому шпионажу в античном Риме, его военным целям и эффективности. Выявлена связь между развитием торговли и успехами военной разведки. Дана характеристика римским торговцам в контексте их участия в разведывательном процессе.

Дементьева Вера Викторовна (Ярославль)

Римская квестура в III в. до н.э.: увеличение числа магистратов и их новые функции

В докладе рассматриваются дискуссионные вопросы о количественном изменении должностных мест в римской магистратуре квесторов в III в. до н.э. и возрастании задач их магистратской деятельности. Принимая результаты палеографической и источниковедческой критики информации нарративной традиции, данной антиковедами (У.В. Хэррисом, М. Смитом и др.), В.В. Дементьева считает утверждение о «флотских» квесторах заблуждением. Анализируется схема процесса возрастания численности квестуры в III в. до н.э., предложенная Л. Лорето: из 4-х, зафиксированных им, новых квесторских мест III в. до н.э. автор доклада признает факт создания трех, из которых для остийского квестора расходится с итальянским исследователем в датировке, а для галльского и лилибейского – в определении функций. Не соглашаясь с выводом о существовании квестора в Калесе, автор доклада считает более правдоподобными сведения традиции о квесторе для Апулии и Лукании (относя время его появления к периоду после Второй Пунической войны). В докладе признается реальными появление второго сицилийского квестора в Сиракузах сразу после перехода города под римское господство, и посылка квестора в Сардинию после завоевания острова.

В предложенной В.В. Дементьевой реконструкции процесса развития квестуры насчитывается к концу III в. до н.э. не менее 10 квесторских мест (4 «старых» городских римских квестора и не менее 6 «новых» за пределами померия, – в Италии и на близлежащих островах). Компетенция новых из них не была, по мнению автора доклада, в полном смысле новой, – задачи их деятельности лежали в той же финансово-хозяйственной сфере, что была традиционной для квестуры. Новыми были регионы, на которые распространялась квесторская деятельность и конкретные функции в рамках их обычной компетенции, т.е. в III в. до н.э. были созданы новые провинции квесторов как сферы действия их магистратской potestas.

Дурново Максим Владимирович (Москва)

Из аграрных штудий римского энциклопедиста: сельские управляющие в трактате Варрона.

Жаровская Анна Николаевна (Ярославль)

Образ Аполлона на монетах Марка Юния Брута.

В докладе рассматривается вопрос о смысловом значении изображений Аполлона и атрибутов этого божества на монетах Марка Юния Брута, отчеканенных в период гражданской войны республиканцев с триумвирами. В историографии основное внимание сосредоточено на анализе тех монет, где связь между символикой и пропагандой

республиканских идей является вполне очевидной, – в данном же случае она носит более косвенный характер. Автор доклада на основе анализа источников утверждает, что изображения Аполлона также содержат мотив противостояния единоличной власти. Имя этого бога встречается в биографии Брута, написанной Плутархом: политик на одном из празднеств с особым жаром читал стихи в честь этого бога (*Plut. Brut.* 24). Мотив участия Аполлона в судьбе Марка Юния содержится у Аппиана (*App. B.C. IV.* 134) и Валерия Максима (*Vall. Max.* 1.5.7). Имя Аполлона упоминается Титом Ливием в связи с изгнанием Тарквиния Луцием Брутом (*Liv. I.* 56. 5-9). Автор доклада приходит к выводу, что не только символы Либертас, но и образ Аполлона весьма активно использовался республиканцами в их политической пропаганде.

Кармазина Ольга Викторовна (Воронеж)

Меддикс тутикус как высший магистрат Капуи.

Князький Игорь Олегович (Москва)

Достоин ли Тиберий реабилитации?

«Мы располагаем о Тиберии массой сведений, которые за девятнадцать столетий так и не помогли полностью его понять» - такие мнения высказал в минувшем веке один из биографов этого незаурядного римского императора Джордж Бейкер. Исторические источники в оценках личности Тиберия и значения его правления противоречивы. Тацит крайне суров к преемнику Августа, Светоний приводит много сведений о выдающихся заслугах «третьего Цезаря», но он же подробнее описывает его пороки и злодеяния, не расположен к Тиберию и Дион Кассий, и Аврелий Виктор, и Евтропий. Сдержан в отношении его Иосиф Флавий. Но вот Веллей Патеркул безудержен в восхвалении императора, коему он был лично предан, а Орозий приписывает Тиберию даже расположение и зародившемуся в его правление христианству.

Авторитет Тацита, известность Диона Кассия, популярность Светония не могли не оказать сильнейшего воздействия на умы историков позднейших эпох. Но уже в конце XIX в. высказываются сомнения в справедливости прежде всего тацитовских оценок Тиберия, а с 30-х гг. XX в. появляется целая серия работ, смысл которых явная реабилитация Тиберия. Здесь выделяются труды Ф. Марша, Э. Корнеманна, Д. Пиппиди, М. Чарльзворта. Из российских историков должно вызвать крупнейшего исследователя Тацита Г.С. Кнабе.

Надо сказать, что у сторонников реабилитации Тиберия совсем немало оснований для отстаивания подобной позиции. Действительно, если на одну чашу весов положить, условно говоря, «список злодеяний» Тиберия, а на другую «список благодеяний», то дать уверенный прогноз, какая чаша перевесит, крайне затруднительно. Тем более, что все благодеяния достаточно очевидны, а иные злодеяния далеко не всегда доказательны.

Короленков Антон Викторович (Москва)

Террор в Риме во время гражданской войны 80-х гг. до н.э. и его особенности.

Начало гражданской войны в Риме ознаменовалось расправами над политическими противниками, которые первым применил Сулла, затем Цинна и Марий, а после победы вновь Сулла. По воле последнего впервые террор начал приобретать оформленный характер, тогда как убийства, совершавшиеся марианцами, были более или менее беспорядочными. Каждая новая фаза расправ оказывалась более масштабной, чем предыдущая. В отличие от сулланского террора, марианский не сопровождался конфискациями. Упомянутый в источниках запрет на погребение жертв марианцев вряд ли соответствует действительности. Любопытно, что обе стороны не применяли репрессий против женщин, как впоследствии будут делать императоры.

Лапыренко Роман Викторович (Иркутск)

***Lex militaris* в контексте законодательной программы Гая Гракха.**

В числе законов, проведенных Гаем Гракхом во время первого трибуната (124–123 гг. до н.э.), источники называют *lex militaris*, который несколько выпадает из общего контекста его законодательной программы, направленной в целом на разрушение возглавляемой сенатом «антигракханской коалиции», препятствовавшей работе аграрной комиссии. Содержание закона передает Плутарх в одном известном месте из жизнеописаний Тиберия и Гая Гракхов. Закон предусматривал запрет на призыв в армию лиц, не достигших 17 лет, а также обеспечение призванных на службу одеждой и военной амуницией без последующего вычета затраченной на это суммы из жалования. Первая часть данного закона носит исключительно технический характер и свидетельствует об участившихся в то время вследствие разных причин случаях появления в легионах несовершеннолетних граждан. Вторая же часть этого закона может быть непосредственно связана с событиями 129–125/124 гг. до н.э., когда сенат предпринял попытку разрешить проблему набора в легионы с помощью метода альтернативного гракханскому. Он заключался в снижении ценза для 5 класса до 1 500 ассов. Данный вариант позволял сенату надеяться на уменьшение интереса к *lex agraria* Тиберия Гракха, т.к. в этом случае деятельность аграрной комиссии теряла свою социальную актуальность. С помощью *lex militaris* Гай Гракх решил облегчить положение малоимущих граждан, которые после упомянутой выше акции сената были записаны цензорами в качестве *assidui*.

Леднева Мария Владимировна (Москва)

Конфискация имущества (*publicatio bonorum*) в зеркале этических представлений древних римлян²².

В эпоху Республики существовал принцип, в соответствии с которым считалось несправедливым карать детей за преступления отцов²³. Этот принцип напрямую относится к такой санкции, как конфискация имущества, поскольку она отражалась прежде всего на положении потомства (особенно в тех случаях, когда самого осужденного казнили или продавали в рабство). Дионисий Галикарнасский относит формирование этого принципа к 485 г. до н.э., ко времени процесса над Спурием Кассием²⁴. Весьма вероятно, что это действительно произошло в эпоху ранней Республики, потому что зафиксированных источниками случаев конфискации имущества в республиканское время мало. Впервые этот принцип был поколеблен Суллой, который в ходе проскрипций не только провел массовые конфискации имущества римских граждан, но и ущемил права детей проскрибированных, лишив их *ius honorum* и *ius accusandi*²⁵. В пост-сулланскую эпоху прежний взгляд на конфискацию имущества возобладал²⁶, однако на излете Республики Цицерон высказывал прямо противоположные идеи: как философ осуждая конфискацию имущества²⁷, а как политик допуская её²⁸. Проскрипции второго триумvirата были мягче по отношению к детям

²² Рассматривается проблема конфискации имущества отдельных римских граждан. Коллективные конфискации имущества чужеземных общин, проводимые римлянами во время завоеваний, в расчет не берутся, потому что представляют собой совершенно иное явление, относящееся к сфере внешней политики и военного права.

²³ E. Gabba, *Dionigi d'Alicarnasso sul processo di Spurio Cassio* in *La storia del diritto nel quadro delle scienze storiche*, Firenze 1966, 149.

²⁴ Dion. Halic. 8.80.1.

²⁵ F. Hinard, *Les proscriptions de la Rome républicaine*, Roma 1985, 87 ss. Idem, *Sur les "liberi proscriptorum"* in *Sodalitas. Scritti in onore di Antonio Guarino* 4, Napoli 1984, 1889 ss.

²⁶ Cic. *Cat.* 4.10. Plut. *Cic.* 21.

²⁷ Cic. *Nat. deor.* 3.90.

²⁸ Cic. *Ad Brut.* 1.12.2, 1.15.11.

проскрибированных, чем проскрипции Суллы²⁹. В эпоху Империи был найден компромисс между этическим отторжением конфискации имущества и её правовой необходимостью. Конфискация стала использоваться в качестве законного наказания (*poena legis*), чего практически не было в республиканский период, однако интересы детей осужденных также стали учитываться, т.к. были выработаны специальные правовые нормы, позволявшие им удерживать определённую часть предназначенного для конфискации имущества³⁰.

Литовченко Сергей Дмитриевич (Харьков)

Публий Клодий и Армения.

Большинство исследователей, рассматривавших внутривосточную историю Римской республики 50-х гг. I в. до н. э., упоминали о связи Публия Клодия с Великой Арменией. В то же время, следует признать, что практически отсутствуют специальные работы, посвященные анализу отношений одного из влиятельных римских политиков середины I в. до н. э. и новообращенного римского союзника в Азии.

Дискуссионными остаются два эпизода, в которых объединяются Клодий и Великая Армения: посольство в Армению в 59 г. до н. э. и похищение Клодием сына армянского царя в 58 г. до н. э. Анализ писем Цицерона позволяет предположить, что триумвиры намеревались отправить Публия Клодия с посольством к Тиграну II. Однако ни сам Клодий, ни Цицерон, вопреки утверждению многих исследователей, не собирались уезжать из Рима на встречу с армянским царем. Авантюра с Тиграном Младшим была инспирирована самим армянским принцем и имела для Клодия не столько политическое, сколько финансовое значение. Нет оснований подозревать народного трибуна и в стремлении вмешаться в политическую борьбу на территории союзного Риму царства.

Ляпустин Борис Сергеевич (Москва)

Роль друзей и родственников в хозяйственной жизни римской фамилии.

Ляпустина Елена Валерьевна (Москва)

Эвергетизм в городах Римской империи: между моралью, правом и экономикой.

Марков Константин Владимирович (Нижний Новгород)

Дело сенатора Либона: версия Диона Кассия.

В одной из глав LVII кн. «Римской истории» содержится подробный рассказ о случившемся в правление Тиберия судебном процессе над сенатором Либоном Друзом, обвиненном в подготовке государственного переворота. Об этом деле упоминается также в «Анналах» Тацита (II. 27 – 32). Сопоставление версий двух историков позволяет выявить специфику восприятия Дионом принципата Тиберия, а также сделать некоторые выводы о методологических, стилистических и композиционных особенностях «Римской истории», в частности о применяемой автором технике биографического повествования.

²⁹ Dio Cass. 47.14.1. Hinard, *Les proscriptions* cit., 256 ss. Idem, *Sur les "liberi proscriptorum"* cit., 1907.

³⁰ Общая формулировка: D. 48.19.26 Callistratus *1 de cogn.: Crimen vel poena paterna nullam maculam filio infligere potest...* Cfr. Suet. *Tib.* 61.2. Отдельные нормы: D. 48.20.1.2 Callistratus *1 d. i. fisci et pop.* D. 48.20.7.3 Paulus *l.S. de port., q. lib. dam.* D. 48.20.1.1 Callistratus *1 d. i. fisci et pop.* D. 48.20.7.2 Paulus *l.S. de port., q. lib. dam.* Cfr. Tac. *Ann.* 4.20.

Мартемьянов Алексей Павлович (Харьков)

Из истории общинных отношений в селах Нижней Мезии и Фракии в первых веках н.э.

В докладе представлены результаты анализа свидетельств источников о проявлениях общинных отношений в восточнобалканских провинциях Рима, где, как принято считать, в первых веках н.э. унаследованные от более раннего времени общинные традиции были особенно прочны. К числу зафиксированных надписями проявлений крестьянского коллективизма следует отнести наличие во фракийских землях сельского самоуправления, а также почитание сельчанами божеств, которых они считали своими личными покровителями, все прочие их совместные посвящения богам и императорам. Вполне возможным представляется и наличие в селах круговой поруки за выполнение возложенных на их жителей обязанностей. Однако большинство признаков, на основании которых принято судить о существовании сельской общины, подтверждения в данных известных ныне источников не находят. Поэтому, по мнению автора, обращаясь к истории фракийских земель в первых веках н.э., корректнее говорить не о прочных позициях *сельской общины*, а о достаточно широком распространении в деревенской местности *общинных отношений*.

Махлаюк Александр Валентинович (Нижний Новгород)

История понятий и дискурсы власти в Древнем Риме

Маяк Ия Леонидовна (Москва)

Римская *res publica* и *civitas*.

Res publica и *civitas* - важные элементы римской государственности. Цицерон в *De re publica* употреблял эти термины как равнозначные. Однако они появились в разное время и употреблялись античными авторами с различным значением, так что писателям эпохи Антонинов пришлось их уточнять. Лингвистические данные позволяют говорить о глубокой древности происхождения *civitas* от *civis*, что стоит в противоречии в соотношением πόλις > πολίται.

Ученые Нового времени занялись изучением полисных структур и их судьбой в процессе истории. Выявились противоположные мнения по поводу Рима. Фюстель де Куланж полагал, что после Союзнической войны в Италии остался единственный полис – Рим. С.Л.Утченко видел результатом этой войны гибель римского полиса, хоть и не одномоментную. Но, исходя из дефиниции полиса, принятой большинством советских ученых, следует признать не исчезновение, а трансформацию как римского, так и других италийских полисов.

Мельничук Ярослав Владимирович (Москва)

Римские Тарквинии в средиземноморском контексте.

Мосолкин Алексей Владиславович (Москва)

Были ли союзники у Энея?

Никишин Владимир Олегович (Москва)

Феномен *mors Romana* в период принципата Юлиев-Клавдиев.

Никольский Андрей Борисович (Астрахань)

Образ Гая Теренция Варрона в античной традиции.

В докладе рассматривается вопрос о роли Гая Теренция Варрона в поражении римских войск под Каннами. Римский полководец считается практически единственным виновником трагедии. Античные авторы наделяют римского полководца целым набором отрицательных качеств – самонадеянностью, неосторожностью, трусостью, популизмом, непомерным честолюбием. Тем не менее, в современной историографии степень вины Гая Теренция подвергается сомнению. Такие исследователи как Г.Скаллард, Ф.Мюнцер, Дж.Лэйзенби, С.Лансель высказывали сомнения в объективности античной традиции в отношении римского полководца. В выступлении обращается внимание, что образ Теренция Варрона трансформируется в античных произведениях. Если в более ранних источниках консул проигрывает карфагенскому полководцу из-за неопытности и неосторожности, то у более поздних авторов причиной гибели армии выступает карьеризм Варрона, его непомерное желание прославиться, а сам полководец изображается народным лидером, популистом, который приносит в жертву своего честолюбия жизнь римских солдат.

Парфенов Виктор Николаевич (Саратов)

2000 лет спустя... Вернул ли Вар легионы?

Пилькевич Андрей Леонидович (Киев)

Югуртинская война и кимвро-тевтонская угроза в процессе реформирования римской армии (конец II в. до н. э.).

Кризис традиционной цензовой военной организации, прогрессирующий в Риме на протяжении всего II ст. до н. э., приобрел наиболее острую форму в период Югуртинской войны (111 – 105 гг. до н. э.). Бездарное командование представителей знатных семей, тотальная коррупция, небывалое падение дисциплины и, как следствие, позорные поражения армии в Нумидии существенно подрывали римское влияние в Северной Африке, что грозило возможной потерей данного региона. Ситуация еще более обострилась с вторжением многочисленных кельто-германских племен с Севера, которые уничтожили несколько посланных против них армий. Эти события окончательно продемонстрировали всю глубину и системность кризиса цензового военного устройства, а также положили начало новому этапу противостояния оптиматов и популяров, в ходе которого сумел выдвинуться homo novus – Гай Марий. Этот человек стал именно тем лидером, который при сложившейся ситуации, опираясь на широкую народную поддержку, предпринял попытку реформирования традиционных устоев. Одну из ключевых ролей в утверждении нововведений сыграла война с кимврами и тевтонами, которая обусловила ряд непрерывных консульств Мария.

Сморчков Андрей Михайлович (Москва)

Храмовое строительство в IV в. до н.э.: время кардинальных перемен.

Телепень Сергей Валерьевич (Мозырь, Белоруссия)

Милитаристская составляющая идеологии Принципата.

В основе идеологии ранней Римской империи лежит так называемый «римский миф». Главной его составляющей является величественный образ государства, обязанного своим возникновением старореспубликанским добродетелям древнейших римлян. Среди этих добродетелей важнейшее место заняли воинские доблести. Закономерным стало эксплуатация

в эпоху принципата темы качеств, присущих полководцам и воинам, посвящающих себя Республике во имя идеи величия Рима. Но милитаристская составляющая идеологии принципата (и шире – имперского Рима) нашла выражение и в глобальной геополитической доктрине. Характерный для древних римлян пафос государственности и величия родного города еще до установления Империи перерос в пафос мирового господства, когда вселенское владычество стало самоцелью. Так оформилась идеология Рима-миротворца, Рима-объединителя цивилизованного мира и человечества.

С превращением самого Рима в мировую державу произошло превращение римской политической мифологии в имперскую идеологию. Именно тогда в ее структуру были включены все главные компоненты, а его имперский характер проявился в полной мере. Вершиной мифотворчества была эпоха Августа, отмеченная появлением эпохальных литературных произведений - «Энеиды» Вергилия, третьей книги од и «Юбилейного гимна» Горация и «Истории Рима от основания Города» Тита Ливия. В них получили отражение оформление все аспекты «римского мифа», в том числе идея господства над всем миром народа-воина, давшего примеры непревзойденных воинских доблестей как коллективного, так и индивидуального проявления.

Теперик Тамара Федоровна (Москва)

Исторический эпос: поэтика психологизма (на материале «Фарсалии» Лукана).

В докладе анализируются формы психологизма исторического эпоса в контексте стилевых тенденций "нового стиля", характерного для эпохи ранней империи. Благодаря обилию речей, связанному с тяготением поэмы Лукана к риторике, (что было отмечено уже Квинтилианом, Inst. 10,1 90), психологические мотивы в поступках персонажей "Фарсалии" особенно выразительны. В то же время об их внутреннем мире можно судить не только благодаря изображению речевого поведения, но и неречевого (или, иначе - невербального), которое в эпических жанрах может быть описано гораздо полнее, в сравнении с жанрами лирическими и драматическими. Но более всего характер персонажа в поэме Лукана раскрывается посредством отношения к нему автора. Это отношение, в том числе, представлено и многочисленными прямыми авторскими "интервенциями" в текст. Именно это постоянное авторское присутствие является одной из тех стилевых доминант, благодаря которым антагонистичность характеров двух главных героев исторической поэмы, Цезаря и Помпея, подчеркнута наиболее ярко.

Токарев Андрей Николаевич (Харьков)

Место *clupeus virtutis* в пропаганде единоличной власти императора Августа

В докладе рассмотрена роль так наз. «добродетелей» *clupeus virtutis* в официальной идеологии первого римского императора. Автор пришел к выводу, что Август не искал некий шаблон для этих «добродетелей», как полагает большинство исследователей, в философском каноне платоников и стоиков или в «республиканском» списке нравственных качеств «идеального» римлянина. Он ориентировался в своем выборе не на какой-либо устоявшийся канон, а на сложившиеся обстоятельства. Для пропаганды своего морального превосходства он использовал недавние события: Актийскую войну, «восстановление» государства и связанные с ним мероприятия. Совместное употребление таких старинных доблестей, как *virtus* и *pietas*, а также появившихся только в середине I в. до н. э. *iustitia* и *clementia*, говорит о том, что Август стремился к идеологическому обоснованию своей власти, а вовсе не к опоре на «республиканские» ценности. Эта пропагандистская кампания принцепса, направленная на обоснование исключительности Октавиана, была ответной реакцией на стремление некоторых оппозиционных аристократов возвыситься в новых условиях, что могло привести к появлению претендентов, могущих бросить вызов власти Августа.

Федина Юлия Александровна (Магнитогорск)

Восточные клиенты Брута и Кассия в гражданских войнах I до н.э.

Значительный интерес для характеристики внешней политики Рима на Востоке в период гражданских войн представляют личные устремления политических деятелей Поздней Республики, обладавших собственной клиентелой среди перегринов.

После убийства Цезаря и оформления второго триумvirата республиканцы создали на Востоке широкую коалицию из различных правителей племен Балкан и Малой Азии, представлявшую после Мутинской гражданской войны главную угрозу триумвирам. Поскольку характер взаимоотношений республиканцев с азиатскими «друзьями», союзниками и клиентами, особенности контактов между ними, анализ механизма воздействия римских политических деятелей на восточную клиентелу и оценка роли провинциалов в войне против триумвиров представляется нам практически не разработанной в отечественной историографии, мы предприняли попытку рассмотреть феномен малоазийской клиентелы в период гражданских войн в Риме 40-х гг. до н.э.

Филиппов Вячеслав Валерьевич (Москва)

Исторические реалии в русских переводах римской комедии.

Фролов Роман Михайлович (Ярославль)

Античные дефиниции *contiones* как основа выработки их научного определения.

Хрусталева Вячеслав Константинович (Санкт-Петербург)

Политическая подоплека судебных процессов над народным трибуном Гаем Манилием в 66-65 гг. до н.э.

Имя Гая Манилия впервые появляется на политической арене в 66 г., когда он был избран народным трибуном (Ascon., 45, 64-65 Clark; Plut. Pomp., 30)³¹. В период своего трибуната он отметился проведением двух законов: о голосовании вольноотпущенников и о предоставлении Гнею Помпею чрезвычайного командования в войне против Митридата на Востоке. Оба эти закона вызвали недовольство сенатской верхушки, и в конце декабря 66 г., вскоре после сложения с себя полномочий народного трибуна, Манилий был привлечен к суду.

В историографии традиционно Манилий не рассматривается как сколько-нибудь самостоятельная политическая фигура. Он считается «помпеянским» трибуном, и едва ли не за всеми его действиями исследователи видят «руку Помпея». Соответственно, и суд над Манилием определяется как направленный в первую очередь против Помпея³².

Такой взгляд на политическую деятельность Гая Манилия, однако, страдает неполнотой. Исследователи обходят вниманием действия Манилия в начале трибуната и сосредотачиваются главным образом на событиях его второй половины. Между тем, анализируя шаги, предпринятые им в конце 67-начале 66 гг., мы можем утверждать, что они носили вполне самостоятельный характер. К ним относится закон о голосовании вольноотпущенников, который был проведен Манилием в комициях не без применения

³¹ Особая точка зрения у Э. Груэна, который идентифицирует трибуна Гая Манилия с упомянутым Валерием Максимом (Val. Max., VI, 2, 4) неким Манилием Криспом. Этот Крисп был привлечен к суду Гнеем Пизоном и, несмотря на очевидную виновность, оправдан благодаря заступничеству Помпея. См.: Gruen E.S. Pompey and the Pisones // California Studies in Classical Antiquity. Vol. 1. 1968. P. 160-162.

³² Наиболее ярко это проявляется у Э. Груэна (Gruen E.S. The last generation of the Roman Republic. Berkeley-L.A.-L., 1974. P. 261-262). См. также Gelzer M. Cicero. Ein biographischer Versuch. Wiesbaden, 1969. P. 60.

насилия. Действия Манилия вызвали жесткую ответную реакцию со стороны нобилитета: квестор Луций Домиций Агенобарб с вооруженными людьми напал на сходку манилианцев, многие из которых были убиты (Ascon., 45 Clark). Был издан особый сенатусконсулт, осудивший принятие этого закона.

Заслужив своими действиями враждебность сенатской верхушки, Манилий осознал грозившую ему опасность быть привлеченным к уголовному суду. Поэтому он стал искать поддержки. Анализируя сведения Диона Кассия (XXXVI, 42, 3-4), можно предположить, что первоначально он обратился не к Помпею, а к Крассу. Однако, по-видимому, Манилий потерпел неудачу, и только после этого он обратился к Помпею. Платой за помощь и стало проведение Манилием закона о передаче Помпею командования на Востоке. Встав на сторону Помпея, Манилий, конечно, не мог избежать суда, но теперь он мог надеяться на защиту могущественного полководца.

Сам ход судебного разбирательства по делу Манилия слабо отражен в сохранившихся источниках, так что существует несколько вариантов его реконструкции³³. При этом существуют серьезные основания предполагать, что с судом над Манилием связаны и события т.н. первого заговора Катилины³⁴. Ряд авторов не исключают, что за действиями Катилины и Пизона в поддержку Манилия стоял недруг Помпея Красс³⁵; приняв эту точку зрения, мы получаем еще один серьезный аргумент в пользу известной самостоятельности Манилия как политической фигуры. Как бы то ни было, в 65 году Манилий был осужден и навсегда ушел с политической сцены (Ascon., 60 Clark).

Таким образом, у нас нет оснований считать трибуна Гая Манилия безоговорочным сторонником Помпея. Все действия Манилия предпринимались им в первую очередь в интересах своей собственной карьеры, и в начале своего трибуната он никак не связывал с Помпеем свое продвижение. В лагерь Помпея Манилия привели обстоятельства, и вполне возможно, что одновременно он продолжал поддерживать связи с Крассом. Не исключено, что именно данные обстоятельства стали причиной того, почему Помпей не стал упорствовать в защите Манилия и предпочел пожертвовать ненадежным сторонником.

Чернова Надежда Николаевна (Уфа)

Правозащита чести и достоинства римских граждан.

Проблема чести и достоинства гражданина относится к области правовых отношений нематериального характера, или связана областью материального права лишь косвенным образом. Изучение этой проблемы не возможно без материалов литературно-художественных, религиозно-этических, философских, нравственных и политико-правовых концепций античности, т.е. требует комплексного подхода.

В современных исследованиях в области чести и достоинства римских граждан наблюдается стремление определить характер взаимодействия между состоянием *civitas* и правовым статусом, благополучием и долгом (*dignitas, fides, virtum, libertas* и т.д.) граждан полиса.

Однако римское право содержит и материалы по защите авторитета, статуса и права не только должностных лиц, но и просто человека и гражданина.

Большой интерес в связи с этим представляют материалы по правозащите в случаях: *diffamatio* (распространения порочащих связей); *injuria* (оскорбления или личной обиды); *insinuatio* (унижение чести, подрыв уважения (*honor*)); *atimia* (опозорение) и др.

³³ См.: Phillips E.J. Cicero and the prosecution of C. Manilius // *Latomus*. Vol. 29. 1970. Fasc. 3. P. 595-607; Ward A.M. Politics in the trials of Manilius and Cornelius // *TAPhA*. Vol. 101. 1970. P. 545-556; Ramsey J.T. The prosecution of C. Manilius in 66 B.C. and Cicero's *Pro Manilio* // *Phoenix*. Vol. 34. 1980. No. 4. P. 323-336.

³⁴ Seager R. The first Catilinarian conspiracy // *Historia*. Vol. 13. No. 3. 1964. P. 345-346.

³⁵ Gruen E.S. Notes on the 'First Catilinarian Conspiracy' // *CPh*. Vol. 64. 1969. P. 23; Ward A.M. Politics... P. 551-553.

Среди форм правозащиты, разработанных в римском праве, Auctoritas (мнения сената); различные иски преторского права (actio injuriarum например); многочисленные иски при нарушениях обязательственного права.

Таким образом, в Риме впервые были разработаны и применены универсальные правовые нормы, вне зависимости от должностного уровня, национальности, образования, доходов граждан, т.е. те нормы, которые составили основы современного общечеловеческого права.

Шабага Ирина Юрьевна (Москва)

Искусство владения словом как средство решения жизненных проблем.

Шицына Екатерина Викторовна (Киев)

Общественная деятельность Л. К. Суллы (конец 80–начало 70-х гг. I в. до н.э.).

ПОЗДНЯЯ АНТИЧНОСТЬ, РИМСКАЯ ПЕРИФЕРИЯ И ХРИСТИАНСТВО

Болгов Николай Николаевич, Иваницкая Яна Юрьевна (Белгород)

Марцеллин Комит об императорских колоннах Константинополя³⁶.

В латинской «Хронике» Марцеллина Комита (VI в.) содержится достаточно много информации об императорских колоннах ранневизантийского Константинополя. Эта важнейшая форма авторепрезентации императорской власти и имперской идеологии была перенесена в Новый Рим в готовом виде, но испытала вместе со всей империей определенную эволюцию, приобретя специфический позднеантичный характер.

Основными колоннами такого рода были колонны Константина Великого, Феодосия Великого, Аркадия, Феодосия Младшего, Маркиана, Юстиниана Великого, Ираклия, а также Готская колонна.

В Хронике императорские колонны упоминаются в 5 местах: 390.3 – о колонне и серебряной статуе Феодосия Великого; 403.2 – серебряная статуя Евдоксии, жены Аркадия, была установлена на порфировой колонне (из контекста как «Хроники», так и сообщения *Soz.* VIII.20.1, неясно, чья это была колонна – Аркадия или самой Евдоксии); 407 – о порфировой колонне императора Константина на одноименном форуме (ныне сохранились остатки, известные как «сожженная колонна»); 480.1 – статуя Феодосия Великого рухнула с одноименной спиральной колонны; 506 – статуя императора Анастасия была поставлена на верху колонны Феодосия Младшего на Форуме Тавра.

Таким образом, хронист упоминает 4 колонны – Константина Великого, Феодосия Великого, Евдоксии (?) и Феодосия Младшего, сообщая о важных событиях своего времени, связанных с ними – воздвижении колонн или построек рядом с ними (2 эпизода) и установлении или низвержении статуй (3 эпизода).

Болгова Анна Михайловна (Белгород)

Последний взлет позднеантичной риторики: Хорикий из Газы³⁷.

Хорикий (ок. 500-590 гг.) – наиболее известный ранневизантийский оратор, глава кафедры риторики в школе Газы, христианин. Все произведения Хорика принадлежат ко всем классическим жанрам эпидейктики: экфрасис, эпитафия, энкомий, этопея, монодия, панегирик, эпиталамий, апология.

Среди основных речей (λογοι) Хорика мы видим следующие: 1) Эпитафия Прокопию, газскому софисту; 2) Энкомий и прохирон Сумму, достославному военачальнику; 3) Эпитафия Марии, матери газского епископа Маркиана и элевтеропольского епископа Анастасия; 4) мелетия «Тираноубийца» (= мелетия 7); 5) Слово I к епископу Газы Маркиану; 6) Слово II к Маркиану; 7) Слово к дуксу Палестины Аратию и архонту Стефану (консуляру Палестины I); 8) «О розе»; 9) этопея «Пастух»; 10) этопея «Купец»; 11) этопея «Афродита»; 12) этопея «Финикиец»; 13) экфрасис «Хорология» (Времена года); 14) экфрасис об установленном в городе Газа образе; 15) «О весне»; 16) Монодия; 17) панегирик «Об отторгнутой части»; 18) лекция «О воздаянии»; 19) мелетия «Дитя-убийца» (= мелетия 9); 20) мелетия «Патроклу от Ахилла» (= мелетия 10); 21) 2-е слово «Об отторгнутой части» и др.

Не менее античными являются названия (и содержание) лекций (dialekseis, meletia): 1) Полидамас; 2) Приам; 3) Лидийцы; 4) Мильтиад; 5) Юный герой-воин; 6) Сердитый старец; 7)

³⁶ Работа выполнена по Госконтракту П322 от 28.07.2009 «Человек переходной эпохи: Поздняя античность – Ранняя Византия» в рамках ФЦП.

³⁷ Работа выполнена по Госконтракту П322 от 28.07.2009 «Человек переходной эпохи: Поздняя античность – Ранняя Византия» в рамках ФЦП.

Тираноубийца; 8) Спартанский гражданин; 9) Дитя-убийца; 10) Патрокл; 11) Герой-воин; 12) Оратор.

25 введений в речи носят более громоздкие наименования, в которых не всегда видно их чисто античное содержание, но иногда прослеживаются учебные цели и «рекомендации» для обучающихся «студентов».

Судьба Хорикия и его произведений была в целом достаточно позитивной в последующей византийской культуре, так как ему удалось оптимально адаптировать классические формы риторики для нужд византийской школы.

Живлова Нина Юрьевна (Москва)

Регулирование межплеменных отношений в варварской Европе в свете древнеирландских источников.

Зайцева Ирина Валерьевна (Белгород)

Климент Александрийский и его сочинения глазами патриарха Фотия³⁸.

В «Мириобиблионе» Фотия, патриарха Константинопольского (861-867 и 879-886 гг.) среди прочих конспектов прочитанных им книг выделяются три главы, посвященные книгам Климента Александрийского (Cod. 109, 110, 111). Анализ содержания этих текстов Фотия важен для понимания эволюции христианской (византийской) традиции, в том числе и в области рецепции античного наследия. Излагая содержание несохранившегося труда «Ипотипы» (Наброски), Фотий дает интерпретацию подходов Климента к Ветхому и Новому Заветам. Пожалуй, наименьшее внимание Фотий уделил «Педагогу». Факт отрицательных оценок язычников и античной культуры Климентом поставил это произведение в глазах Фотия выше остальных. Также он отмечает «красивый» стиль произведения. «Строматы» в VIII книгах содержат нападки на ереси и язычников. Материал здесь, по мнению патриарха, устроен случайно, как и главы. Общая оценка этого труда у Фотия – положительная.

В результате мы отмечаем двойственный подход Фотия к наследию Климента. Христианские идеи, понимание которых не изменилось, идеи воспитания христианина, высоко оцениваются Фотием. Его критике подвергаются «неправильные» христианские мнения и античное язычество глазами Климента. Фотий не может согласиться с оценками язычества Климентом, так как «угол зрения» на античность в IX в. был уже иным. Если Климент, безусловно, отрицал языческую религию, но отводил античности определенное место в культурном наследии, то для Фотия такое понимание было уже невозможно, так как адаптированные в Византии элементы античной культуры уже не воспринимались в отрыве от христианской традиции.

Каргальцев Алексей Витальевич (Санкт-Петербург)

К вопросу о повседневной жизни африканской церкви II-IV вв.: христиане и зрелища.

Африканская церковь III в. переживала один из драматических периодов своей истории. Несмотря на продолжавшиеся в течение всего столетия антихристианские гонения, христианам пришлось столкнуться с необходимостью найти способы сосуществования с враждебным языческим миром. Христианская церковь, хотя и существовала как *religia illicita*, представляла уже значительную силу. Уменьшение эсхатологических ожиданий, рост числа верующих из самых разных, в том числе и состоятельных слоёв населения Империи, все эти обстоятельства привели к необходимости выработки специальной регламентации

³⁸ Работа выполнена по Госконтракту П322 от 28.07.2009 «Человек переходной эпохи: Поздняя античность – Ранняя Византия» в рамках ФЦП.

внутрицерковной жизни. Уже Тертуллиан обращает внимание на недостаточность аргументов Священного Писания для ограждения паствы от соблазнов и зрелищ, и в течение III в. этой темы в той или иной мере будут касаться все писатели африканской церкви. Очевидно, в Северной Африке проблему отношения христиан к языческим зрелищам следует понимать более широко, как принятие или непринятие римской культуры в целом. Не случайно Тертуллиан вступает в заочную полемику с Апулеем: те достижения античной культуры, которыми восхищаются герои африканского писателя, вызывают резкое негодование африканского апологета. Исследование христианской традиции относительно зрелищ и других культурных проявлений сопряжено с рядом сложностей. В частности в трудах отцов церкви мы видим, как правило, запреты на совершения каких-либо поступков и лишь незначительное число указаний на повседневные обязанности верующего. Ситуация, при которой любые контакты с языческим миром могли истолковываться как идолопоклонство, а собственно христианские проявления понимались бы как иудейские, ставила африканских апологетов в весьма шаткое положение и накладывала существенные ограничения на содержательную сторону описания повседневной жизни христиан. В этой связи специальное исследование данного вопроса представляется особенно важным.

Колбин Сергей Юрьевич (Екатеринбург)

Готы в сочинениях церковных историков IV–V вв.³⁹

Ранневизантийская церковная историография для исследователя, занимающегося проблемами взаимоотношений готов с Восточной Римской империей, дает большое количество сведений самого разнообразного характера.

Церковные историки IV–V вв. (Сократ Схоластик, Эрмий Созомен, Феодорит Киррский), а также сторонник арианства Филосторгий, выделяли из всех народов, окружающих империю, именно готов. Отметим, что количество глав созданных ими «Церковных историй», где упоминаются готы, в большинстве случаев (кроме Филосторгия), лишь незначительно уступает количеству глав, посвященных Персии – главному внешнеполитическому противнику империи на Востоке.

При использовании данных текстов необходимо учитывать тенденциозность их авторов. В официальной церковной историографии IV–V вв. сформировался ярко выраженный отрицательный образ готов, который увязывался, в первую очередь, с их приверженностью арианству. Отрицательные черты персонажей-готов подчеркиваются достаточно распространенными, ведущими происхождение из литературы предыдущих веков, риторическими приемами. Например, готы постоянно именуется «скифами» или «варварами». Отличие можно найти только у Филосторгия. Однако и для него готы – образ, в целом, отрицательный.

Таким образом, несмотря на некоторые различия в создании образа готов, в церковной историографии IV–V вв. четко прослеживаются идеологические установки официальной церкви. Следует также отметить, что эти оценки не всегда совпадали с позицией правительства империи и достаточно редко воплощались в реальной политике Константинополя.

Краснобаева Юлия Евгеньевна (Москва)

Проблема «семи» в Новом Завете.

В 6 гл. Деяний Апостольских сообщается о поставлении в иерусалимской общине на административную должность семерых мужей. По церковной традиции их принято считать диаконами. Однако текст Нового Завета не дает для этого оснований: «семеро» никогда не

³⁹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., ГК 02.740.11.0578.

называются диаконами, используемое же в данном фрагменте существительное *διακονία* обращено и к апостолам в значении «служение слову». Вскоре после возникновения этой должности один из семерых Стефан провоцирует первое гонение на христиан и становится первым христианским мучеником, община рассеивается. В дальнейшем мы находим упоминание о диаконах уже по отношению именно к периферийным общинам. По нашему мнению, диаконат возник именно на периферии. Вряд ли стоит генетически возводить его к институту «семи» – «семь» были слишком стихийным и краткосрочным явлением, чтобы пустить корни в еще не сформировавшемся церковном устройстве, сопоставление между епископами и диаконами с одной стороны и апостолами и «семью» с другой также вряд ли правомочно. Сходство диаконата и «семи» (связанное, впрочем, лишь с обязанностью осуществлять служение вспомоществования) – внешне и проистекает от некоторого функционального сходства административной роли.

Однако в плане влияния «семи» на диаконат нельзя оставить в стороне анализ не только того, чем были «семь», но и того, как они воспринимались в дальнейшей истории христианства. Нельзя не признать, что к самым ранним временам восходит как традиция отрицания их роли прародителей диаконата (Иоанн Златоуст), так и прочное отождествление их с диаконами (Киприан, Ипполит, Евсевий Памфил и др.)

Кулаков Владимир Иванович (Москва)

Водные жертвоприношения на территории исторической Пруссии.

Как известно, водные жертвы были характерны в начале I тысячелетия н.э. для северных германцев. Цель жертвы – контакт между людьми и богами по принципу *do ut des* (лат. «давать чтобы получить»). Германцы, жившие на западе Европы, дары предкам-ансам и богу войны развешивали на деревьях в священных рощах. Считается, что в римское время заметной (если не основной) формой жертвоприношений у эстиев являлось церемония осуществления погребения. Формирование свода данных о водных жертвоприношениях на западной границе балтского мира (50 пунктов) неопровержимо свидетельствует о распространении северо-германских культовых традиций в юго-восточной Балтии в I тысячелетии н.э.

Имеются два ареала распространения водных жертв в исторической Пруссии: западная часть Мазурского Поозерья вместе с близлежащими верховыми притоками р. Преголя и прибрежная часть прусских земель Помезания и Вармия. Различные формы водных жертв, встреченные в мазурско-прегольском регионе, оставлены в разное время аллохтонами, проникшими в юго-восточную Балтию с юга, из зоны расселения древнегерманских племён. Единственно не привнесённой из этого региона формой водных жертвоприношений в исторической Пруссии является затопление черепа или его части. Глубокие исторические корни этого обряда в Пруссии несомненны.

Привнесение остальных форм водных жертв в юго-восточную Балтию со стороны подчёркивает стабильные, длительные и глубокие связи между балтским (точнее – его западной окраиной) и германским мирами, восходящие к эпохе бронзы. Результатом этих связей стало использование германских по происхождению водных жертв местным прусским населением и/или осевшими среди него представителями германцев вплоть до финала эпохи викингов.

Куликова Юлия Викторовна (Москва)

Образ римской женщины III века.

В период нестабильности, как политической, так и экономической, женщины попадают в кругозор античных авторов только в связи с какими-то важными событиями, на их взгляд, почти государственного масштаба. Тем не менее, рельефы, скульптуры и нумизматика предоставляют нам яркие образы женщин этого периода.

Возможно, в глазах критиков жизнь женщины, чья роль отличалась от традиционной, ограниченной домом и детьми, казалась уже скандальной. Всё же образы и истории женщин в произведениях римских писателей не выдуманы, и некоторые женщины, по их мнению, своим распутством отчасти создали атмосферу интриг и подорвали спокойствие общества. Римскими поэтами и писателями также восхвалялся идеал толерантной женщины, не «мешавшей» любовным похождениям мужа. Ульпиан же считал неправильным, что муж вправе требовать от жены моральных добродетелей, которым сам не соответствует. Интересно, что авторы IV века всячески подчеркивают развращенность Рима и императорского двора предыдущего века. По их мнению, с началом нестабильности политической власти началась деградация нравов, которая завершилась при Константине.

Куликова Юлия Викторовна, Емельянова Юлия Владимировна (Москва)

Восприятие островными кельтами окружающего мира (по ирландским сагам).

Земля Ирландии, согласно представлениям островных кельтов, приняла свой облик не сразу. О том, как менялась ее география, рассказано в «Книге Завоеваний Ирландии». Мир, по мнению кельтов, преобразился, благодаря пяти поочередно прибывшим «расам».

Саги более подробно освещают географию острова. С другой стороны, в «Сагах» много географических и топонимических ошибок. Эти неточности явные пробелы в географических знаниях древнеирландских писцов, которые плохо ориентируются в географии острова и вообще сторонах света. Отдельные географические упоминания на самом острове вообще не существовали, либо до сих пор не идентифицированы.

Сам остров кельты разделяли на четыре части, выделяя север и юг. Догойдельское население продолжало обитать на острове, все более приближаясь в представлении кельтов к потустороннему миру и становясь персонажами мифов. Север - это темная и скрытая половина, обитель мертвых, мифологических существ, героев и богов, - сид.

Мир кельтов Ирландии не ограничивался родным островом. В сагах можно найти упоминания Азии, Армении, Скифии, Британии, Греции, Африки, Рифейских гор. Правда, неясно, собственные ли их это знания или привнесенные христианскими монахами.

Кельты того времени воспринимали мир куда сложнее, чем мы сейчас. Он был для них многоуровневым, сферическим, где было место и для богов, и для людей, для Иного мира и реального бытия.

Пантелеев Алексей Дмитриевич (Санкт-Петербург)

Христианское мученичество и римская культура зрелищ.

Прокопьев Сергей Михайлович (Москва)

«Римский вопрос» у евангелиста Луки.

Пуховец Дмитрий Сергеевич (Киев)

Правление Максенция в Риме (306-312 гг.).

Личность Константина Великого была настолько значительной для истории Римской империи начала IV в., что другие правители этого времени находятся в ее тени. Часто такое невнимание является несправедливым, и их деятельность, политическая программа и особенности характера заслуживают отдельного рассмотрения. В этом контексте одной из наиболее интересных является личность самопровозглашенного правителя Рима Максенция. Он не был безликим тираном, каким его пытаются представить источники, прежде всего, христианские. Максенций выступил с программой возрождения былого величия города: он

поддержал сохранение привилегий населения Рима, увеличил численность преторианской гвардии, развернул широкомасштабное строительство в городе. Эту программу изначально поддержало большинство населения Рима. Другое дело, что Максенцию не хватило качеств политического лидера, военного командира. В какой-то момент он потерял кредит доверия населения, что и стало одной из причин его поражения в войне с Константином.

Самойлова Мария Павловна (Нижний Новгород)

Трактат Василия Суражского как пример использования русскими книжниками логических методов античной философии.

Сбитнева Юлия Николаевна, Рышковская Анастасия Юрьевна (Белгород)

Последний эксцесс античной оргиастики (илиопольские мученицы эпохи Юлиана (Soz. V,10))⁴⁰.

Одним из наиболее радикальных отличий ранневизантийского мира от классического было изменение отношения к обнаженному телу. Христианство радикально отказалось от женской наготы. Частное бытовое поведение женщины-христианки усвоило переход к закрытым одеждам. Одним из величайших христианских подвигов считалось теперь бесстрашие при виде обнаженного женского тела. Единственный случай полного обнажения девушки или женщины в позднеантичное время имел место в момент Крещения.

Во времена гонений на христиан одним из наиболее распространенных средств осквернения девы-христианки было ее публичное обнажение. При Юлиане Отступнике при официальной веротерпимости имели место нападения на христиан, но порой в специфическом новом контексте - гендерном. Одним из наиболее ужасающих эпизодов, обнаживших наиболее глубокий раскол между античной и христианской парадигмами гендера, бытовой моралью, стал эпизод в Илиополе (Баальбек) в Ливане, о котором сообщает Ермий Созомен (V, 10). Илиопольцы схватили девушек-христианок и выставили их без одежды в публичном месте для поношения всеми желающими. После этого с мучениц была заживо снята кожа, отсечены конечности и рассечены животы, куда были набиты отбросы, которыми приманивали свиней пожирать их внутренности. Созомен справедливо объясняет эти зверства местью за отмену местного сирийского обычая храмовой проституции и оргиастики и закрытие храма Афродиты при Константине.

Так, переход от традиционной античной свободы сексуальных отношений, бывших исключительно личным делом, к христианской семье и бытовому аскетизму, утверждавшихся церковью при поддержке государства, приобрел не только важное общественное значение, но и приводил к локальным проявлениям крайнего экстремизма в ходе сопротивления христианизации.

Сорочан Сергей Борисович (Харьков)

Порни. О профессиональной проституции в ранней Византии как сфере рынка торговли услуг.

Византийская литература позднеантичного периода, прежде всего Жития святых, в силу своей специфики как жанра особенно ярко демонстрируют целый социальный пласт в лице проституток, чаще всего обозначаемых словом *pornos*, *porneia*, *porne*. При внимании исследователей к этому феномену, прекрасно отраженному в раннеромейских нарративных и

⁴⁰Работа выполнена по Госконтракту П322 от 28.07.2009 «Человек переходной эпохи: Поздняя античность – Ранняя Византия» в рамках ФЦП.

правовых источниках IV - VII вв., он рассматривался, скорее, в гендерном и ментальном контекстах, нежели в контексте услуг византийского рынка, как предмет купли-продажи и как составная налоговых поступлений государства ромеев. Именно с этой точки зрения следует еще раз обратиться к данным о проституции в ранней Византии как к облагаемому налогом занятию, чтобы установить персонажи этой сферы рыночных услуг, их категории, места работы, размеры доходов, прибыли и специфику отношения со стороны государства и общества. В ходе исследования удалось выявить целый ряд соображений, которые всячески затушевывали в глазах ромеев позорность профессии, даже оправдывали ее. С этой точки зрения “ремесло” (ergasia) ранневизантийской проститутки вставало в один ряд с прочими доходными специальностями в сфере торговли и услуг, каким соответствовали собственные “механизмы обмена” разного уровня.

Трухина Наталья Николаевна (Москва)

Речение Господне и реалии христианской церкви I-II вв. н.э.

Циркин Юлий Беркович (Санкт-Петербург)

Пальмирское царство и Галльская империя – два типа отделившихся государств.

Шабига Ирина Юрьевна (Москва)

Искусство владения словом как средство решения жизненных проблем (на материале панегириков IV века императорам Константину и Феодосию).

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Бондаренко Михаил Евгеньевич (Москва)

Религиозные представления синдов.

Завойкина Наталья Владимировна (Москва)

Архикойтонит царя Савромата II Боспорского.

В лапидарии Боспорского царства содержится три надписи из разных городов азиатской части, упоминающие имя Юлия Менестрата – Гермонасса, Танаис, Фанагория (КБН 1049, 1243; Кузнецов, 2006, № 2). Наибольший интерес представляет мраморный постамент с почетной надписью, сообщающей об возведении статуи царя Савромат II Юлием Менестратом архикойтонитом, главным постельничим царя, и рельефом жертвенного быка под ней. В докладе уточняется хронология надписей, упоминающих Юлия Менестрата. С этой целью привлекается для сравнительного анализа посвятельная надпись 193 г. из Танаиса (КБН 1237). В результате предлагается трактовка фанагорийского постамент и рельефа быка на нем, отличная от существующей (Кузнецов, 2006, № 2). Также прослеживается принадлежность Юлия Менестрата к одному из аристократических родов боспорской элиты первых веков.

Кузина Наталья Владимировна (Нижний Новгород)

Античное святилище на поселении «Полянка» (раскопки 2010 г.).

Новоселова Надежда Юрьевна (Санкт-Петербург)

Поселение на о.Березань в первые века н.э. (по материалам Березанской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 1962-1991 гг.).

Сапрыкин Сергей Юрьевич (Москва)

Уникальная монета Митридата Эвергета и особенности династической истории Понтийского государства.

Тарасова Любовь Валерьевна (Калуга)

Религиозные представления ольвиополитов в I – II вв. н.э. по данным антропонимики.

Одним из источников по религиозным представлениям эллинов являются так называемые теофорные имена. В римский период истории Ольвии наиболее насыщенным в отношении антропонимики является небольшой временной отрезок, – вторая половина I – первая половина II вв. н.э., - когда примерно в трех десятках эпиграфических памятниках упоминается более двухсот имен.

С одной стороны теофорные имена отражают почти весь государственный пантеон Ольвии, хотя и не копируют его. – Распространенными были имена Ахилл, Дионисий, Дионисодор, Антестерий, Посидей, Посидоний, Аполлоний, но лишь единожды фиксируется антропонимик Диоген, и это при том обстоятельстве, что культ Зевса занимал почетное третье место в официальном пантеоне города. В рассматриваемое время не отмечается

государственных культов Геракла, Артемиды, Деметры, но встречаются антропонимы, образованные от имен этих богов, что, вероятно, является показателем личных симпатий ольвиополитов.

Чорев Михаил Михайлович (Тюмень)

Территориально-административное устройство Боспорского царства при Фарнаке II по нумизматическим данным.

Правление Фарнака II (63–47 гг. до н.э.) является одним из наименее изученных периодов в истории Таврики. Причиной тому стало отсутствие письменных источников, полномасштабно освещающих ситуацию в регионе в эту эпоху. Не стоит этому удивляться. Ведь древних историков больше интересовало богатое на события правление последнего великого эллинистического царя Митридата VI Евпатора Диониса, а не его мятежного сына Фарнака II, ставшего φίλος καὶ σύμμαχος (φίλος καὶ σύμμαχος – «другом и союзником римского народа») и погибшего после неудачной попытки овладеть отчим Понтом. Однако мы все же постарались проследить на нумизматическом материале наиболее важные моменты истории Боспора конца второй – начала третьей четверти I в. до н.э. Изучение монетного дела Фарнака II, позволило не только установить обстоятельства, позволившие ему принять титул βασιλεὺς- βασιλευς – «великий царь царей», но и определить административное устройство Боспорского царства в период его правления. Как оказалось, он сохранил стратегии, служившие опорой Митридатидов еще в Понте. Таким образом, у нас есть все основания считать, что Северо-Восточное Причерноморье в интересующий нас период представляло собой конгломерат царских владений, квазиавтономных полисов и эллинизированных народов, объединенных властью тирана – Митридатида, справедливо носящего титул βασιλεὺς- βασιλευς

Шувалова Нина Вячеславовна (Москва)

Проблема хлебного импорта из Боспора в Афины в классическое время в отечественной и зарубежной историографии.

Вопрос о хлебном импорте из региона Северного Причерноморья, в частности, с территории Боспорского царства, является одним из основных и наиболее важных при рассмотрении темы взаимоотношений Боспора как политического объединения, и одного из самых развитых полисов античного мира, Афин. Важность этого вопроса в рамках данной темы обусловлена не только его экономическими характеристиками (хлеб – был основной категорией импорта с Боспора в Афины), но и политической составляющей, поскольку экспортно-импортные отношения между этими двумя античными государствами имели и стратегическое значение. Афины были заинтересованы в боспорском хлебе, так как собственного зернового потенциала было явно недостаточно (особенно, в IV в. до н.э., на который и пришелся пик импорта боспорского зерна в Аттику). А боспорские правители, в свою очередь, предоставляя афинянам различные льготы и привилегии при совершении торговых операций с хлебом, повышали, таким образом, не только свой собственный статус в античном социуме (боспорские тираны Спартокиды имели статус афинских граждан в благодарность за крупные хлебные дары афинянам), но и положение своего государства на политической арене древнего мира, выделяясь в IV в. до н.э. активной экономической политикой и взаимоотношениями не только с Афинами, но и многими другими античными полисами Средиземноморья.

История изучения проблемы хлебного импорта из Боспора в Афины насчитывает уже не одно десятилетие. Так или иначе, она затрагивается во всех работах, посвященных истории Северного Причерноморья в античное время, начиная с работ В.В.Латышева, М. Ростовцева и С.А. Жебелева в отечественной историографии и заканчивая современными работами зарубежных исследователей Д.Браунда и А. Морено, разрабатывавших этот вопрос

на основе античных источников по этому периоду – речей афинских ораторов, эпитафических памятников, позволяющих оценить общее количество жителей Аттики и, следовательно, их потребности в хлебе из Понта. Основными направлениями, которые рассматриваются при изучении проблемы импорта боспорского хлеба в Афины были и остаются вопрос о начале активных торговых контактов между двумя государствами, их интенсивности и продолжительности, вопрос об истинном объеме этих поставок и, как следствие, примыкающие к этим направлениям вопросы о материальной базе Боспора, обеспечивавшей эти поставки (возможность для производства, хранения и транспортировки больших объемов зерна). Отсутствие единого мнения по всем вышеуказанным направлениям и обуславливает актуальность данного вопроса на современном этапе изучения взаимоотношений Боспора и Афин в классический период. При практически полном отсутствии новых нарративных свидетельств и эпитафических памятников по этой проблеме, новые данные археологических исследований городов Боспора позволяют изучать вопрос о хлебном импорте боспорского зерна в Афины на качественно новом уровне, с привлечением новых групп источников.

ДОКОЛУМБОВАЯ АМЕРИКА

Байда Дарья Сергеевна (Москва)

Хронология событий мифологической истории Паленке.

Паленке – археологическое городище, расположенное на западе области майя в штате Чиapas, Мексика. В классический период оно носило название Лакамха и являлось столицей Бакальского царства. Здесь была разработана сложная локальная мифологическая традиция, главными действующими лицами которой выступает группа богов получившая название Паленкской Триады. Все вместе они являются покровителями местной царской династии. Впервые на их существование указал Генрих Берлин в 1963 г. Он же дал им условные обозначения God I (GI), God II (GII) и God III (GIII), которые используются в историографии до сих пор.

Каждому из богов Триады посвящен один из храмов так называемой Группы Креста. В текстах именно этих храмов в основном содержится линия мифологической истории Паленке. Крайне интересным с точки зрения исследования хронологии является текст главной панели Храма Креста, так как имеющиеся в нем дистанции между датами некоторых событий мифологической истории не соответствуют указанным циклическим датам. Многие исследователи, рассматривавшие данный текст, отмечали в своих работах эту ошибку, однако вопрос о ее характере остается открытым.

Д. Стюарт полагает, что ошибка допущена писцом в записи дистанций, Ф. Лаунсбери же усматривает в данном примере намеренную фальсификацию дат.

На наш взгляд в данном тексте ошибка присутствует не в дистанциях, а в самих циклических датах, однако допущена она не намеренно, а в следствии сбивки в системе датировки некоторых событий.

Беляев Дмитрий Дмитриевич (Москва)

Еще раз к вопросу о древнем названии Тикаля.

Городище Тикаль (департамент Петен, Гватемала) – это руины одного из важнейших городов майя формативного и классического периодов, бывшего столицей одного из могущественнейших государств. Основание тикальской династии относится к середине I в. н.э., а последний тикальский царь Хасав-Чан-К’авиль II упомянут на стеле 11 под 869 г.

Титул правителей Тикаля (так называемый «эмблемный иероглиф») с логограммой T569 в качестве основного знака был идентифицирован в 1958 г. Позднее Дэвид Стюарт показал, что древнее название города записывалось как **YAX-T569** или (полное написание) **YAX-T569-1a**.

В 1992 г. Стюарт предложил чтение для логограммы T569. Он показал, что логограмма изображает перевязанный пучок волос и предложил два вероятных фонетических подтверждения: начальное **mu-** (Ла-Амелия) и финальное **-tu** (Йашчилан). Основываясь на глоссе из словаря из Мотуля *mut pol* «пучок, делаемый женщиной из своих волос», Стюарт прочел T569 как **MUT**, а древнее название Тикаля реконструировал как *Mutul* или *Mutal*. Независимо от Стюарта к такому же чтению пришел немецкий эпиграфист Кристиан Прагер.

Это чтение получило широкое признание среди майянистов. Однако нам представляется, что оно основано на неверной аргументации и является ошибочным. Во-первых, глосса *mut pol* является ошибкой транскрипции, присутствующей в некоторых изданиях Венского словаря (вместо правильного *meet pol*). Во-вторых, пример из Ла-Амелии это не фонетический комплемент **mu**, а часть логограммы **К’УН(UL)** («священный»). В-третьих, женское имя **’IX-T569-tu ВАНЛАМ** из Йашчилана не может рассматриваться как пример фонетического подтверждения, поскольку в его записи после T569 всегда идет финальный знак.

Мы предполагаем, что фонетическая запись названия Тикаля содержится на стеле 31, где Йаш-Ну'н-Ахиин I (379–404) именуется *k'uhul Kuku'l 'ajaw* («священный царь Кукуля») и упоминается календарный ритуал, который имел место в Кукуле в 406 г. Этот топоним записан как ²*ku-la* (силлабограмма *ku* с диакритикой удвоения). Таким образом, логограмма T569 должна читаться **КУК**. Она действительно изображает пучок волос, что можно связать с глоссой из словаря чольти фрая Педро де Морана (XVII в.) *<sis>* («хвост у чолей; все волосы, завернутые сзади»). Древним названием Тикаля было Кукуль или Йаш-Кукуль, однако его этимология («Место, где много пучков волос»?) остается тёмной.

Вепрецкий Сергей Викторович (Москва), Галеев Филипп Сергеевич (Москва), Савченко Иван Антонович (Москва)

К вопросу о порядке чтения альманахов Дрезденского кодекса (стр. 1-23).

Дрезденский кодекс, один из четырех сохранившихся кодексов майя, попал в руки исследователей в 1739 г., когда был приобретен у частного коллекционера для фонда Королевской Библиотеки в Дрездене (Германия). К счастью в сравнительно скором времени этот бесценный источник был целиком опубликован Эрнстом Фёрстеманом (1880 г.), так как в дальнейшем, в ходе Второй Мировой войны и, в частности, в ходе бомбардировок Дрездена кодекс был сильно поврежден.

Дрезденский кодекс представляет собой полосу бумаги (длина 3,5 метра), сложенную гармошкой в отдельные листы шириной 39,9 см. и высотой 20,4 см., расписанные с обеих сторон. В общей сложности, кодекс состоит из 74 «страниц». Однако, как было заявлено в заглавии, наше внимание сосредоточено на анализе лишь первых 23 «страниц», что обусловлено их особой структурой, отличающей их от остальных частей кодекса. Они состоят из 52 альманахов, в которых содержится запись «предзнаменований» на каждый день 260-ти дневного календаря.

Изучение Дрезденского кодекса началось сравнительно недавно и связано, прежде всего, с именем отечественного исследователя Ю.В.Кнорозова. В 1975 г. была опубликована его работа, посвященная анализу и переводу древних рукописей майя «Иероглифические рукописи майя». Однако в ходе дальнейших исследований стало очевидным, что многие из его чтений и предположений нуждаются в переосмыслении и значительной переработке.

Одним из главных вопросов все еще остается вопрос порядка чтения альманахов Дрезденского кодекса и характер их взаимосвязи. Впрочем, очевидно, прямой порядок чтения (т.е. построчный) в данном случае малоэффективен для глубокого и предметного понимания, как отдельных альманахов, так и всего кодекса в целом.

На наш взгляд, существует несколько основных путей решения данной проблемы. В основе взаимосвязи альманахов может лежать несколько принципов:

- Тематический, основанный на выявлении общей сюжетной линии между различными группами альманахов. В изучаемой нами части Дрезденского кодекса, по всей видимости, зафиксированы сюжеты, связанные с сельскохозяйственными циклами (культивация какао и т.п.)
- Хронологический, позволяющий выявить некую хронологическую последовательность от одного альманаха к другому.

Также для подтверждения этой идеи совершенно необходимым является:

- Сравнительный анализ и поиск параллелей в других кодексах, прежде всего, в Мадридском и Парижском.
- Целесообразным также представляется использование колониальных источников, содержащих сведения о сельскохозяйственных циклах майя и связанных с ними обрядах и ритуалах.

В ходе последней международной конференции WAYEB (EMC Madrid 2010) нами был апробирован подход, основанный на комплексном использовании тематического и хронологического принципов. На данный момент уже составлена «таблица первых дат»

указанного раздела кодекса, позволяющая, пока ещё предварительно, но выстроить некую календарную (в рамках 260-дневного цикла) последовательность событий, а также выделить несколько тематических блоков. В частности, речь идет о группе альманахов, объединённых единым сюжетом «событие – tu-chich», т.е. в этих альманахах речь идет о молитве, молении, обращении к богам.

Важно отметить, что предложенный нами тематический порядок чтения альманахов положительно коррелирует с хронологической последовательностью событий. И вышеописанный принцип может в будущем быть применен при анализе остальных частей Дрезденского кодекса.

Давлетшин Альберт Иршатович (Москва)

Чтение иероглифа Y в дополнительной серии.

Демичева Ирина Юрьевна (Москва)

Татуировка и скарификация: проблема отражения в предметах мелкой пластики майя I тыс.н.э.

Татуировка и скарификация как варианты манипуляции над человеческим телом нашли свое отражение в предметах мелкой пластики майя I тыс.н.э. Анализ данного источника позволяет существенно расширить наши представления о традициях и способах татуирования, а также их воплощении в образах и сюжетах терракот.

Коропласты изображали результат татуирования и шрамирования на лицах мужчин чаще, чем на лицах женщин, хотя и в последнем случае такие изображения не были редкостью. В большинстве случаев татуировка прорабатывались на лицах изображенных субъектов, очень редко на кистях рук. Рисунками могли покрывать как отдельные части лица (лоб, область вокруг глаз, подбородок, щеки, нос), так и все лицо полностью. Орнаментация представлена прямыми, волнообразными, зигзагообразными линиями, сериями точек разного размера, ромбическим и дугообразным рисунком. Довольно часто различные виды орнамента успешно сочетались, образуя при этом единую композицию. В ряде случаев рисунок носил незавершенный характер.

Татуировка и скарификация прорабатывались тремя основными способами: выступами, налечами и вдавлениями. Учитывая особенности формирования шрамов при скарификации можно с большой долей уверенности предположить, что на терракоте она прорабатывалась методом налепов, в то время как татуировка посредством вдавливания.

Статуэтки с указанными знаками в большинстве своем изображают представителей правящей верхушки, хотя татуировка встречается и на терракотах воинов, музыкантов, рядовых общинников. Поэтому вероятней всего «неизгладимые знаки» являлись показателем значимости человека в рамках социальной группы.

Дубоссарская Майя Леонидовна (Москва)

Инкские источники «Суммы и повествования об инках» Хуана де Бетансоса.

В докладе хроника Х. де Бетансоса анализируется с точки зрения наличия в ней следов использования инкских источников и их характера.

По всей очевидности, хронист пользовался в своей работе как позднейшими источниками (воспоминания очевидцев, семейные предания, документы), так и источниками, относящимися к инкскому периоду, то есть официальными имперскими историческими преданиями, зафиксированными с помощью кипу и сохранявшимися кипукамайоками. На основании структурных особенностей, характерных для текстов, основанных на источниках этого типа, мы вычленим фрагменты хроники, при написании которых были использованы

инкские «тексты», определяем, какого рода (генеалогические или биографические) это были предания и высказываем предположение о том, в какой мере эти источники определили содержание и направленность хроники.

Калюта Анастасия Валерьевна (Санкт-Петербург)

Гендер в ономастической лексике науа (астеков) накануне испанского завоевания.

В настоящем докладе на основе широкого круга письменных источников рассматриваются гендерные аспекты антропонимов, теонимов, а также жреческой и царской титулатуры науа (астеков), одной из крупнейших аборигенных общностей Мезоамерики, создателей высокоразвитой цивилизации позднего постклассического периода (вторая половина XIII-первая четверть XVI вв.). Во введении представлена общая типология доиспанской астекской ономастической лексики, основанная на составленной автором базе данных личных имен науа и демонстрируется значение личных имен как форм выражения представлений о социальной идентичности индивида и его роли в обществе. В основной части доклада выявляются гендерные маркеры в доиспанской ономастической лексике науа и анализируются их связи с традиционными представлениями о природе мужского и женского начал, а также о путях их трансформации вследствие определенных космических событий или ритуальных актов. Особое внимание уделяется случаям гендерной инверсии, когда мифологические персонажи или конкретные исторические лица носят имена, прозвища или титулы противоположного пола. В заключении осуществляется кросскультурное сравнение гендерных маркеров в ономастической лексике науа с аналогичным пластом лексики соседних народов Мезоамерики накануне прихода испанцев.

Кравцова Анастасия Сергеевна (Новосибирск)

Биоресурсы и особенности культурогенеза на тихоокеанском побережье Мезоамерики в архаическом и формативном периодах.

Тихоокеанское побережье Мезоамерики, как историко-культурная область, включает в себя прибрежную зону, на западе ограниченную перешейком Теуантепек, а на востоке – западными областями Сальвадора. За последние два десятилетия корпус археологических источников для данного региона (юго-западная Гватемала и мексиканский Чьяпас) значительно расширился, что привело исследователей к переоценке представлений о возникновении сложных (стратифицированных) обществ в Мезоамерике. К архаическому периоду (Archaic period) относится появление памятников культуры Чантуто (Chantuto), время существования которой укладывается в рамки 7 500 – 3 500 л. н. Памятники культуры Чантуто являются ярким примером возникновения индустрии специализированной заготовки пищевых ресурсов (в первую очередь, морепродуктов) силами небольшого общества собирателей. В ранний Формативный период (около 3 000 л.н.) Чантуто сменяет другая культура под названием Мокайя (Мокауа). Вопросы их перехода и взаимоотношений до сих пор остаются открытыми. На памятниках культуры Мокайя прослеживаются следы domestikации растений, ранней стратификации общества и тенденции к монументальной архитектуре с сохранением элементов специализированного прибрежного собирательства.

Куприенко Сергей Анатольевич (Киев)

«Хроника Перу» Педро де Сьеса де Леона: источниковедческий анализ.

Хроники являются основным источником при изучении доколумбовых времен, эпохи конкисты и испанского колониального периода Южной Америки. Одной из таких хроник является «Хроника Перу» Педро де Сьеса де Леона, «Первая часть» которой была опубликована в 1553 году в г. Севилья (Испания), но до сих пор остается малоизвестной в

отечественной исторической науке. Ситуацию может принципиально изменить квалифицированный перевод на русский язык, но ему должен предшествовать источниковедческий анализ этого документа.

Проведенный анализ подтверждает, что источник можно считать фундаментальным произведением по истории доколумбовых цивилизаций, времен конкисты и гражданских войн в Южной Америке в XVI столетии, а самого автора - замечательным рассказчиком, с ясно выраженным критическим методом. Работа Сьеса де Леона считается «наиболее оригинальной и наиболее важной об Америке, из когда-нибудь написанных в испанской историографии, произведение автора особого, плодотворного, ученого и неутомимого наблюдателя».

Новоселова Елена Владимировна (Москва)

Императорский культ в государстве инков Тавантинсуйю по сообщениям хронистов Инки Гарсиласо де ла Вега и Сьеса де Леона.

«История государства инков» Гарсиласо де ла Вега и «Правление инков» Сьеса де Леона – одни из главнейших нарративных источников как по императорскому культу, так и по истории инков вообще. Причины данного положения хроник в совокупной системе источников по вышеуказанной тематике (подробность изложения, базирование выводов в основном на собственных наблюдениях и т.д.)

Критика источников. Фактор личной и социальной субъективности, ее причины (различное расовое и социальное происхождение авторов хроник, во многом обусловившее их взгляды на те или иные вопросы).

Различие целей авторов при написании хроник (у Гарсиласо – стремление возвеличить инкскую государственность в противовес практике испанских колониальных властей; у Сьеса – желание показать то же самое по возможности наиболее полно и беспристрастно) => неодинаковость в подходе к рассмотрению императорского культа.

Различия в терминологии (хронисты по-разному именуют титул инкских правителей => различие в отношении и восприятии). Версии происхождения императорской власти.

Образ правителя в представлении хронистов (у Гарсиласо – идеал мудрости и милосердия, которому чужды корысть; у Сьеса – образ, более приближенный к реальному человеку, не лишённому честолюбивых помыслов). Особенности почитания (обряды, ритуалы, отношение в народе). Место культа Сапа Инки в общей системе религиозных представлений.

Общий вывод. Возможность частичного соотнесения версий хронистов в рамках официальной инкской традиции.

Носков Дмитрий Владимирович (Пермь)

Представления о времени в мифологической традиции инков в контексте «пачакути».

В докладе рассматриваются проблемы реконструкции мифологических представлений инков о времени. Основное внимание уделяется циклам создания и разрушения в мифах о мировых эпохах, выраженные в таком понятии как «пачакути».

Анализируется историография вопроса представлений инков о времени (С.Allen, P.Duviols, S.Maccormack, W.Sullivan, D.Flemming и др.).

Формулируется проблема в контексте традиционных историографических споров о возможности корректного изучения истории и мифологии инков – фактор вестернизации письменных источников, ставиться вопрос об аутентичности представлений о «пачакути» и «мировых эпохах»).

Осуществляется анализ имеющихся письменных источников колониального периода (Betanzos, Guaman Poma, Morua, Pachacuti Yamqi).

Производится анализ имеющихся мотивов сменяющихся эпох через различные катастрофы в мифологии индейцев Америки на основе данных аналитического каталога

Ю.Е.Березкина «Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам»).

Делаются выводы по теоретическим основам изучения представлений инков о времени, состоянию историографических дискуссий.

Острирова Елена Сергеевна (Москва)

Культура Тайрона: этноисторические и археологические источники.

Культура Тайрона - это культура конгломерата индейских племен, живших на территории Сьерра-Невады-де-Санта-Марты (карибское побережье Колумбии), одна из крупнейших древних индейских культур Южной Америки.

Сам термин «Тайрона» довольно долго вызывал споры среди археологов и антропологов. Он впервые появился в работе испанского хрониста Антонио де Эррера. Это название на самом деле восходит к племени тайро бассейна реки Дон Диего, так как и сама эта местность часто называлась в испанских документах Долина Тайрона (Valle de Tairona). Теперь же под этим названием обычно объединяют индейские культуры западных и северных склонов Сьерра-Невады, а так же прилегающей к ним прибрежной полосы. Так как исследуемый регион и до прихода завоевателей был зоной постоянных межкультурных контактов, то четкое выделение характеристик и территориальных границ культуры Тайрона представляется проблематичным.

Испанские источники описывают основные политические центры, которые с большей или меньшей долей вероятности можно отнести к этой культуре. Особое место в работах испанских конкистадоров и хронистов занимали описания социально-политических структур и военного дела индейцев Тайрона. Это обусловлено тем, что аборигенное население Сьерра-Невада-де-Санта-Марта 75 лет (1525-1600 гг.) сопротивлялось завоеванию, сумев объединиться против испанцев. Сообщения, оставленные свидетелями и участниками этих событий, позволяют предположить наличие у этих племен сложновождеской организации. Но систематическое археологическое изучение региона началось лишь во второй половине XX века и уже во многом скорректировало представления ученых о данной культуре, основанные лишь на этнографических материалах.

Таким образом, история социально-политического развития культуры Тайрона остается открытой проблемой, требующей системного подхода и применения различных типов источников.

Пакин Александр Владимирович (Москва)

Дань и подать у майя постклассического периода.

В испанских источниках наибольший объем информации по данному вопросу относится к обществу юкатанских майя накануне и в первые годы после завоевания, т.е. первой половины XVI века. На основании анализа информации, содержащейся в сборнике ответов на королевский опросник 1577г., "Сообщениях с Юкатана"[5], "Словаре из Мотуля"[1] и сообщениях хронистов Диего де Ланды[6] и Бартоломе де Лас Касаса[3], можно утверждать, что майя в постклассический период практиковали два основных типа способов сбора "дани" —

(1) Постоянные, приуроченные к определенным праздникам, и часто связанные с производившимися в начале охотничьего или рыболовного сезона рыбными ловлями или охотой, когда часть добычи распределялась в пользу правителя общины и должностных лиц в виде дара[6:145,179,188; 3:510]. Из этой группы наиболее важным был сбор дани в пору урожая, производившийся правителем кучкабаля[5, I:383; 5, II:127, 207.], в то время как другие вышеупомянутые сборы предназначались для знати собственного селения. Этот вид дани, "patan"[1] и обозначен в большинстве сообщений испанским словом "подать" — "tributo". Для обеспечения выплаты этого вида дани засеивался специальный участок. [5, II:2, 127, 287; 3:509]

Кроме того, у верховного правителя кучкабала было право объявлять (2) нерегулярный побор — "ximte" или "lot"[1], эквивалентом которого испанцы сочли дерраму — чрезвычайный налог, практиковавшийся в пиренейских странах. Его объявляли накануне праздника или по иным случаям. В такой вид дани, входили рабы, которых затем приносили на празднике в жертву. Правитель, рискнувший отказать в нерегулярных поборах, провоцировал войну и в конце концов сам оказывался на алтаре. [5,I:275,383;3:509-510]

Чрезвычайный побор объявлялся специально посланными для этого должностными лицами [5,II:173] — ах-кулелями, основные обязанности которых заключались в объявлении и наблюдении за исполнением любых приказов правителя вообще[1]. Дань или чрезвычайный налог вносились от лица всей общины в целом, т.е. не были персональными. Раскладка подати среди отдельных членов осуществлялась силами самой общины. В селениях сбором дани ведали главы подразделений общины - "кварталов", называемые ах куч кабами.[5,I:117] Дань доставлялась лично правителем подчиненной общины в столицу. Помимо собранного общиной он вносил от себя ценные предметы[5,I:99;5,II:191,287], (обладать которыми могли только знатные люди).

Немаловажным источником дохода было исполнение правителем общины и другими должностными лицами своих функций. Любое посещение должностного лица должно было сопровождаться поднесением даров, соответственно статусу просителя.[6:145;5,II:147]

Часть получаемых таким образом продуктов и материальных ценностей расходовались на устройство празднеств, содержания во время войны военных отрядов,[6:157] содержание некоторых должностных лиц и установление дипломатических отношений.[3:509-510]

Таким образом, результаты анализа показывают, что все упоминаемые в источниках виды дани опираются на традиции общинного перераспределения, от которых они еще не отделяются полностью. Практически аналогичной была система дани у майя Горной Гватемалы, некоторые схожие черты, такие как групповой принцип обложения и посылка специальных посланцев за чрезвычайными поборами демонстрирует податная система ацтеков [4:33-34].

Литература к тезисам.

1. Calcpino de Motul. Mexico. 1995
2. Carneiro R.L. "The chiefdom, precursor of the state" // The transition to statehood in the New World". New York. 1979
3. Las Casas , B. de . "Apologetica historia sumaris". Mexico . 1967 . t. II.
4. Miranda J. "El tributo indigena en la Nueva Espana durante el siglo XVI". Mexico. 1952
5. Relaciones historico-geograficos de la gobernacion de Yucatan. tt.1-2. Mexico. 1985
6. Ланда, Диего де "Сообщения о делах в Юкатане". 1993

Полюхович Юрий Юрьевич (Киев)

Новая документация иероглифических текстов из «Храма Надписей» в Паленке.

Памятники эпиграфики Паленке (Мексика, штат Чиapas) относятся к числу наибольших по объему и многоаспектных по содержанию в корпусе иероглифических надписей майя Классического периода (III-IX вв.). Среди них особый интерес представляют тексты так называемого «Храма Надписей», построенного над усыпальницей царя К'инич Ханааб Пакаля (603-683 гг. н.э.), которая открыта в 1952 году мексиканским археологом Альберто Русом Луилье.

Своим названием сооружение обязано трем каменным панелям с вырезанными на них надписями, которые содержат информацию об истории государства Баакаль, центром которого и являлся Паленке (оригинальное название Лакам-Ха или «Большая вода/река»). Все они выполнены из местного розоватого известняка различного качества. Восточная панель состоит из 9 блоков. Детали резьбы на некоторых из них уже почти неразличимы. Средняя панель состоит из цельного куска камня и сохранилась лучше, чем остальные. Западная панель состоит из 12 блоков, также различного качества материала. Общее число иероглифических

блоков составляет 617, что относит данный памятник к числу самых длинных среди известных в настоящее время надписей майя.

С середины XIX века предпринимались неоднократные попытки документирования указанных текстов. Среди наиболее известных и детально сделанных прорисовок текстов панелей из «Храма Надписей» следует отметить работы Энн Хантер и Альфреда Моудсли (1889-1902), Линды Шиле (1983), Мерл Робертсон (1985). К сожалению, ни одна из них не соответствует в полной мере требованиям к детальному документированию эпиграфических памятников, поскольку не учитывает все детали надписей. В связи с этим существует необходимость повторного создания прорисовок с применением всех современных методов. Работа осложняется тем, что по сравнению со временем первого документирования многие иероглифические блоки утратили первичные очертания и ряд деталей. Однако, благодаря фотографиям и гипсовым слепкам Альфреда Моудсли (хранятся в Британском музее, Лондон), а также фотографиям и полевым прорисовкам Мерл Робертсон, Линды Шиле и автора существует возможность нового и более тщательного документирования указанных текстов.

Ракуц Николай Викторович (Москва)

Военная политика ранних инков в свете данных колониальных хроник и археологии.

Колониальные хроники содержат большой объем информации относительно завоевательных походов ранних инков (до времени Пачакути, девятого Инки, традиционно считающегося создателем империи). Долгое время эти сведения считались не заслуживающими доверия. Однако, результаты недавних археологических исследований в долине Куско, в сочетании с детальным анализом письменных источников, позволяют прийти к выводу, что испанские хронисты в целом достаточно верно отразили этапы развития инкской военной политики, успех которой привел к формированию ядра будущей империи (на что было затрачено порядка 200 лет). Более того, характерные черты этой политики находят себе параллели в стадияльно близких инкскому государствам как Нового, так и Старого Света.

Сафронов Александр Владимирович (Москва)

ГИС-метод в исследовании исторической географии древних майя: теория и практика.

Метод геоинформационных систем в настоящее время является одним из наиболее передовых и актуальных подходов в исторических исследованиях. Его особенность заключается в возможности комплексного исследования информации исторических источников разного типа, создании на основе полученной информации структурированных электронных баз данных и наглядная визуализация результатов исследования. К характерным чертам ГИС-метода относится точная географическая привязка всех объектов исследования, возможность их сопоставления друг с другом в любой комбинации и проведение исторических реконструкций на основе имеющихся данных.

ГИС-метод уже широко применяется в различных областях исторической науки, а частности археологии, где исследователи имеют дело с большим объемом статистического материала (артефактов), четко локализованным на местности. Однако до недавнего времени собственно исторические исследования практически не проявляли внимания к ГИС-методу, Во-первых это сопряжено с определенными техническими сложностями, а во-вторых специфика исследований, когда используются преимущественно письменные источники, не предполагала настолько точной и масштабной привязки информации к географии исследуемого региона.

Однако, в последние годы важное значение приобретают исследования в области исторической географии, которые охватывают значительные географические области и опираются на абсолютно разнотипные данные. Здесь применение ГИС-метода совершенно необходимо. Мы попытаемся показать возможности применения ГИС-метода на примере исследования исторической географии древних майя классического периода (III-IX вв.).

Исследование данного аспекта сопряжено с анализом информации письменных памятников майя, данных археологии, топографии, распределении коммуникационных путей, ресурсов и т.д.

Внимание будет сосредоточено на анализе 3 примеров: 1) локализации неидентифицированного небольшого политического центра *Тубаль* в Восточном Петене (Гватемала), который упоминается в связи с войной Тикаля и Наранхо в 744 г.; 2) определении границ царства *Пачан–Ках* со столицей в *Танхапачан*, существовавшего в IV–IX вв. в Верхней Усумасинте (граница Мексики и Гватемалы); 3) локализации территории могущественного царства *Саку'и*, господствовавшего в Левобережье Верхней Усумасинты (штат Чиapas, Мексика) в VII–VIII вв., которое, несмотря на многочисленные упоминания в иероглифических текстах, до сих пор не имеет точной археологической привязки.

Табарев Андрей Владимирович (Новосибирск)

Истоки керамической традиции культуры вальдивия (Эквадор).

Культура вальдивия (Valdivia) представлена группой памятников в прибрежной части провинций Гуайяс и Манаби (Эквадор) и подразделяется по стилистическим особенностям керамики и внушительной серией радиоуглеродных датировок на 8 фаз (этапов) в диапазоне 5500-3800 л.н. Культура известна с середины 1950-х гг. благодаря пилотным раскопкам Э. Эстрады, Б. Меггерс и К. Эванса и эффектной гипотезе о возможном привнесении керамической традиции на побережье Эквадора носителями культуры дземон (Японский архипелаг). Последующие исследования в регионе позволили специалистам предложить альтернативные версии: появление керамики на эквадорском побережье под влиянием технологических импульсов из Амазонии (керамика типа таперинха) или северо-запада Колумбии (комплексы типа Монсу и Сан-Хасинто-1). Часть археологов, тем не менее, склоняется к варианту автохтонного происхождения керамики на ранних (малоисследованных) этапах культуры (пре-вальдивия). В частности речь идет о бескерамических горизонтах памятника Риал-Альто, наиболее полно представляющего все этапы и хронологические этапы культуры вальдивия.

Хаценович Арина Михайловна (Новосибирск)

Региональные варианты кловис как свидетельство технологической неоднородности состава первых переселенцев Северной Америки.

Проблематика, связанная с изучением культуры кловис, относящиеся ко времени 11,200 – 10,800 л.н. и локализованной в равнинных регионах и Юго-Западе США, находится в непосредственной зависимости от вопросов, связанных с заселением Северной Америки. Технологическим маркером кловис являются большие, бифасиальные наконечники, атрибутированные специфическими снятиями от основания, образующими желобок. Традицию наконечников с желобком продолжили культуры гошен и фолсом. Немалое число многослойных памятников, включающих как слои кловис, так и фолсом (Эгейт Бэйсин, Хэлл Гэп и др.), и иногда отсутствующей стерильной прослойкой между ними, дают право предполагать, что как таковой смены населения не было, а одни и те же стоянки использовались на протяжении длительного времени мобильными группами охотников-собирателей. Внутри кловис как технологической общности, могла существовать неоднородность. Ее предполагаемый региональный вариант колби был выделен на одноименном памятнике северной части штата Вайоминг, США. Наконечники колби имели более округлые основания, чем у классического кловиси иное оформление дистальной части, что могло быть результатом подправки сломанных наконечников, которые были близки к классическому типу. Другой предполагаемый региональный вариант кловис – гейни – отличается большими шириной и размером, отсутствием искривления лезвия. Еще одно отличие заключается в последовательности и технике изготовления желобка: если желобок

наконечников кловис делался в середине процесса прямым ударом, то желобок гейни – в конце процесса, ненаправленным ударом, с дополнительными короткими снятиями у основания желобка. В результате снятие на гейни в два раза длиннее, чем на кловис, а вогнутость основания проявляется заметнее. Технология гейни не имеет убедительного датирования, но стратиграфия памятника Биг Эдди показывает возраст гейни моложе, чем кловис. Таким образом, неоднородность состава носителей культуры кловис пока не имеет убедительных доказательств, и на сегодняшний момент можно заключить, что первая миграционная волна представляла собой гомогенную культурную массу с определенным набором технологических навыков.

ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Алмазова Наталья Сергеевна (Москва)

Из истории антиковедения в Императорском Варшавском университете: дело кандидата-стипендиата Алексея Косминского.

Вахонеев Виктор Васильевич (Киев)

О критериях выделения полиса (в контексте исследований копенгагенского центра по изучению полиса).

Особую актуальность проблема выделения полисного статуса поселения приобрела в последнее время благодаря деятельности международного научного центра по изучению античного полиса (Copenhagen Polis Centre), созданного проф. М.Х. Хансеном при Копенгагенском университете. За десять лет работы центра вышло из печати более десяти массивных томов материалов и монографий. Исследователи стали выделять критерии выделения полиса: наличие демотиконов, свидетельства письменных источников, наличие чеканки собственной монеты, общественных сооружений различных типов и т.д.. И хотя Центр ставил за задачу определить полисный статус каждого известного по источникам поселения, анализ каждого критерия показал ситуацию, при которой античная терминология вступала в антагонизм даже в то время. Центр выделяет не менее 14 типов полисов, как самостоятельных, так и зависимых. Практическое применение данной типологии и критериев. К примеру, для боспорских поселений показывает, что данная схема, как минимум, для данного региона не эффективна: не все поселения поддаются типологии, сведения о демотиконах отсутствуют до начала эпохи эллинизма, монетная чеканка до середины VI в. до н.э. не характерна не только для Боспора, но и для всей Греции, данные археологии вообще показывают боспорские поселения в период архаики в сравнении с поселениями Великой Греции этого же периода достаточно примитивными.

Заморяхин Алексей Владимирович (Пермь)

Крымские готы III-IV вв. в дореволюционной отечественной историографии.

Лаптева Марина Юрьевна (Тобольск)

История древней Ионии в свете современных исследований нарративной традиции и данных археологии: несовместимость методологий или перспективы диалога?

В XX столетии и до наших дней интерес к истории древней Ионии стимулировался успехами археологии: проблематика исследований этой области Восточной Греции нередко определялась и подпитывалась непрерывными археологическими открытиями. В начале XX в., когда археологическое изучение Ионии только начиналось, специалист-классик и археолог, раскапывающий руины ионийских поселений и храмов выступали в одном лице. Новые археологические источники интерпретировались с учетом письменных свидетельств относительно исследуемых поселений.

По мере увеличения масштабов археологических исследований и возрастания объема археологического материала, работы, основанные на анализе археологических данных, стали

обособляться от исторических исследований, основным источником для которых являлась нарративная традиция и данные эпиграфики.

Специалист по истории Ионии в наши дни – это чаще всего археолог-практик, самостоятельно добывающий, вводящий в научный оборот и интерпретирующий новые артефакты. Современное поколение археологов исповедует традиционное для Новой археологии негативное отношение к письменным источникам и убежденность в объективности и самодостаточности археологических реконструкций.

Автор анализирует методологические подходы современных археологов, работающих в Ионии (прежде всего – А. Гривса), отмечает насущную необходимость возвращения в исследовательское русло нарративной традиции, а также естественного синтеза двух равнозначных и взаимодополняющих типов источников, видя в этом залог дальнейшего прогресса в изучении древней Ионии.

Писаревский Николай Петрович (Воронеж)

Современная историографии античности о возникновении морского дела и мореплавания в Эгеиде.

Скворцов Артём Михайлович (Ставрополь)

Судьба антиковедческой школы М.С. Куторги.

Антиковедческая школа М.С. Куторги – одна из первых в отечественной исторической науке. М.С. Куторга начал сплачивать вокруг себя студенческую молодёжь, приобщая её к изучению древней истории Греции, ещё в 40-х гг. XIX в. В конце этого десятилетия появляются первые магистерские диссертации учеников мэтра. Последняя же магистерская диссертация защищается учеником М.С. Куторги В.Г. Васильевским в 1870 г.

М.С. Куторга обладал довольно сложным характером. Он был убеждён в том, что ученики в любом возрасте должны считаться с ним и не пренебрегать его мнением. Но вокруг мэтра сосредотачивались исключительно сильные личности, которые не могут долгое время жить под авторитарной опекой. Характерно, что только Ф.Ф. Соколов до конца жизни занимался исключительно антиковедением, став основателем эпиграфической школы. Все остальные ученики либо занимались другими историческими эпохами (В.Г. Васильевский – византийской историей, В.В. Бауер – историей Нового времени) и взаимодействовали с М.С. Куторгой только как коллеги по университету, либо вовсе ушли в другие профессии (В.М. Ведров, М.М. Стасюлевич, Н.А. Астафьев), либо сосредоточились на преподавательской деятельности в ущерб научным изысканиям (П.И. Люперольский). В докладе особое внимание уделяется причинам конфликтов (личностному фактору, общественно-политическим взглядам), которые привели к полному разрыву отношений мэтра с некоторыми из воспитанников (В.М. Ведровым, М.М. Стасюлевичем), и, как следствие, к завершению их научной карьеры.

Строгецкий Владимир Михайлович (Нижний Новгород)

Тема полиса в «Археологии» Фукидида и отношение к ней в современной историографии.

Определяя очередность процессов, происходивших в Элладе после окончания «темных веков» и завершения Троянской войны, Фукидид говорит о возникновении и развитии новейших городов (νεώτατα), отличая их от древних (παλαιά). Фукидид имел в виду возникновение полисов (Thuc. I.7; 12.1-2). В связи с этим в статье рассматривается проблема дисконтинуитета между ахейской и древнегреческой цивилизациями и отмечается, что

разрыва в историческом развитии при переходе от ахейской цивилизации к эллинской не существовало и правильнее говорить о континуитете.

Что же касается полиса как суверенного коллектива граждан, то он формировался как в древнейших городах, так и во вновь возникших, опираясь на соответствующую социально-экономическую структуру и воплощая в себе государственность эллинского типа. Она характеризовалась склонностью к демократической форме жизнеустройства и основывалась на приоритете частного права и частной собственности над публичным правом и общественной собственностью.

Чиглинцев Евгений Александрович (Казань)

Рецепция античности как объект историографического исследования.

Яснитский Николай Анатольевич (Москва)

Особенности английской историографии античности эпохи Просвещения.